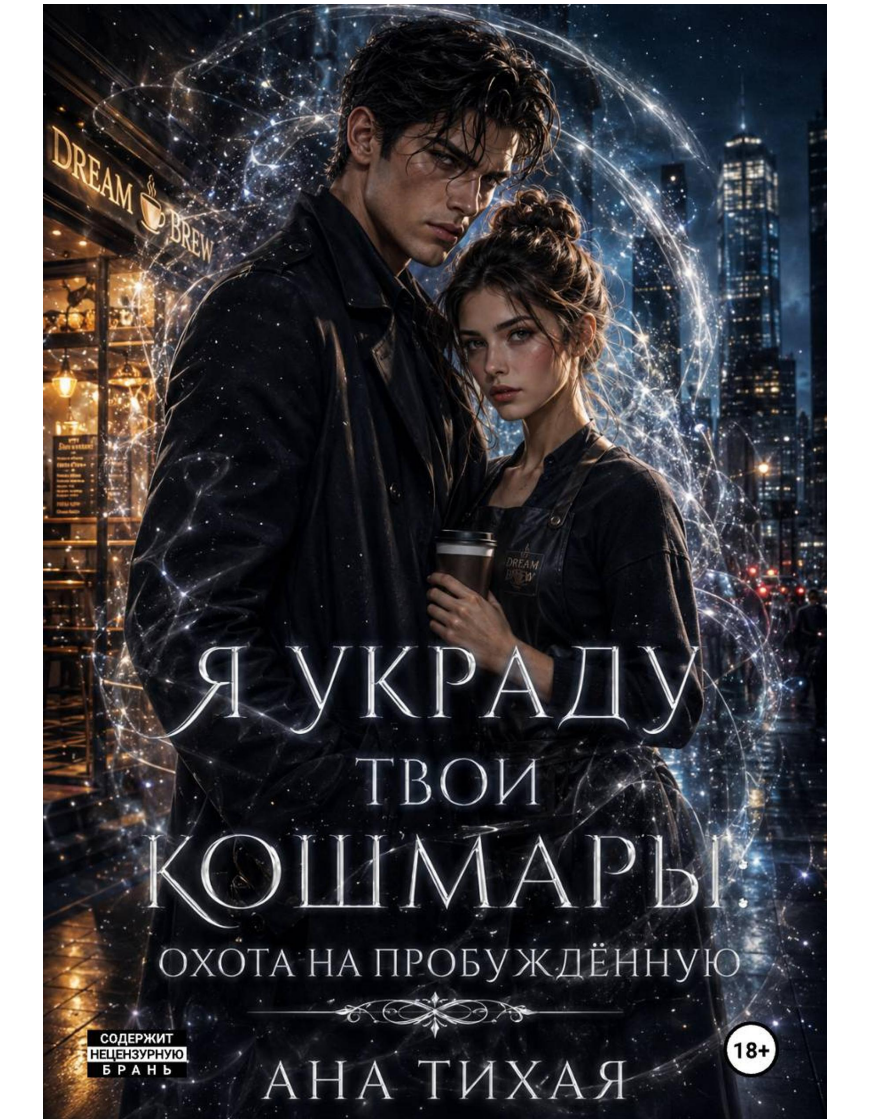

Я УКРАДУ ТВОИ КОШМАРЫ:

ОХОТА НА ПРОБУЖДЁННУЮ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АНА ТИХАЯ

18+

Ана Тихая

Я украду твои кошмары

<https://litres.ru/74467847>

SelfPub; 2026

Аннотация

Моя маленькая кофейня «Тёплая чашка» — единственный островок уюта в дождливом Порту, ради которого я влезала в долги и работала без отдыха. Я была уверена, что самое сложное в моей жизни — вовремя платить аренду и варить хороший кофе. Пока однажды поздно вечером в тёмном переулке мне не показалось, что из тумана на меня кто-то смотрит. Я списала всё на переутомление и бессонницу. Но той же ночью мне приснился безумный, слишком реалистичный кошмар: жуткая тварь, темнота и незнакомец, заслонивший меня собой. А наутро я просыпаюсь с саднящим порезом на руке там, куда во сне пришёлся удар. С каждым днём странные, выматывающие сны повторяются всё чаще, а глубокие царапины на коже больше не получается списывать на случайность. И пока я изо всех сил пытаюсь убедить себя, что просто схожу с ума от усталости, на пороге «Тёплой чашки» появляется измотанный посетитель с содранными в кровь костяшками. Он заказывает тройной эспрессо и смотрит на меня так, словно ищет в моём лице ответы на свои вопросы.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	26
Глава 4	45
Глава 5	59
Глава 6	69
Глава 7	83
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Ана Тихая

Я украду твои кошмары

Глава 1

Адель

Сухой хруст кофейного зерна под жерновами «Мазер» был для меня лучшим анестетиком в мире.

Я сделала глубокий вдох, впитывая густой, пряный аромат свежей обжарки. За панорамным окном «Тёплой чашки» шёл привычный мелкий дождь — ледяная морось Норт-Марлоу, стекающая по стеклу мутными дорожками. Портовая улица только начинала просыпаться, утопая в молочном-белом тумане, наплывавшем со стороны залива.

Я смахнула невидимую пылинку с дубовой стойки. Эту стойку я своими руками ошкуривала и покрывала морилкой три месяца назад. Три месяца с тех пор, как я подписала личную кабалу с банком, заложила всё до последнего цента и открыла двери собственной кофейни.

В двадцать пять лет большинство моих знакомых либо строили карьеру в офисах в центре города, либо уезжали из нашего вечно туманного Порта. Я же сделала глупость: уволилась из сетевой кофейни, где проработала три года управляющей, и решила, что способна создать нечто своё. Место,

где люди смогут согреться в этом городе.

«Ты с ума сошла, Адель», — говорила мне мама.

«Этот район вымирает, ты прогоришь через месяц», — утверждал банковский клерк, сомневаясь, выдать ли мне кредит.

Но я стояла на своём с упрямством, которое всегда считала своей лучшей и одновременно худшей чертой.

Помещение на углу Портовой досталось мне в ужасном состоянии: отваливающаяся штукатурка, сгнившие половые доски и стойкий запах сырости. Первые два месяца ремонта слились в один бесконечный день. Я спала по четыре часа на складном диванчике в подсобке, выискивала на винтажных рынках у старого пирса деревянные стулья, сама перебирала рожковую кофемашину и штукатурила стены под руководством видеоуроков.

Когда мы наконец открылись, я весила на пять килограммов меньше, а в банке у меня оставалось ровно сорок долларов.

Но «Тёплая чашка» выстояла.

Мы выдержали первый тяжелый месяц. Потом второй. Постепенно появились постоянные гости: почтальон, постоянно берущий капучино с корицей, флорист из лавки напротив и моряки, заходившие за самым плотным кофе перед долгими сменами. Мы вышли в плюс. Маленький, скромный, но честный плюс, который позволял вовремя платить аренду и закрывать банковский долг.

Я провела пальцем по фактурному дереву стойки и улыбнулась. Это была моя победа. Каждый кирпич здесь, каждый винтажный светильник, отливающий тёплым янтарным светом, были доказательством того, что я справилась сама. Без чьей-либо помощи.

Единственным, что по-настоящему выматывало меня сейчас, была физическая усталость. Работа без выходных по четырнадцать часов в сутки давала о себе знать. Каждая просрочка поставки зерен, каждый скачок цен на молоко или поломка грейндера заставляли моё сердце сжиматься от страха, что этот хрупкий уютный мир рухнет.

Я поправила льняной фартук, крутанула на пальце серебряное кольцо — старую привычку, помогавшую успокоить нервы, — и включила кофемашину. Свежий пар с тихим шипением вырвался из форсунки.

Через десять минут нужно открыть двери. За окном расстелился очередной холодный день Норт-Марлоу, но здесь, внутри, пахло корицей, обжаренной арабикой и теплом.

К четырём часам дня дождь над Норт-Марлоу сменился той самой липкой, непроглядной моросью, которая застревает прямо в воздухе. В такие часы Портовая улица вымирала: редкие прохожие прятали носы в воротники и спешили укрыться в домах, а туман со стороны залива сползал на мостовую плотными, седыми волнами.

Для «Тёплой чашки» это было лучшее время.

В зале приятно гудел конвектор, над столиками горели

мягкие янтарные лампы, а воздух пропитался ароматом свежвыпеченных синабонов. Пожилой мистер Харрис из газетного киоска допивал свой третий за день американо, тихо шурша свежим выпуском «Городского вестника». В углу о чём-то шепталась пара студентов.

— Ещё один успешный день, Адель, — пробормотала я себе под нос, протирая и без того сияющий хромированный поддон кофемашины.

Глядя на чековую ленту, я чувствовала приятную, тяжёлую ломоту в мышцах. Сегодняшняя выручка позволяла закрыть внеплановый счёт за ремонт водопровода и даже отложить немного на покупку новой партии колумбийской сухой обжарки. Всё складывалось ровно так, как я планировала. Логично, понятно, предсказуемо.

— Адель, дорогая, ты снова работаешь за двоих, — мистер Харрис поднялся со своего места, опираясь на резную трость, и подошёл к стойке, оставляя на деревянной поверхности ровную стопку монет. — Тебе нужен помощник. Или хотя бы полноценный выходной. У тебя под глазами залегли тени.

— Выходные для тех, у кого нет кредита в тридцать тысяч долларов, мистер Харрис, — улыбнулась я, аккуратно пересчитывая сдачу. — К тому же, если я уйду на выходной, кто будет делать вам кофе с двойной порцией корицы?

— Твоя правда, — добродушно ухмыльнулся старик, забирая своё пальто. — Но ты всё-таки береги себя. В Порту

сейчас неспокойно. Говорят, в нижнем городе снова отключили фонари, а морская служба предупреждает об аномально густом тумане к ночи.

— Это Норт-Марлоу, мистер Харрис. Здесь туман — единственный постоянный житель, — отшутилась я, провожая его до дверей.

Колокольчик прозвенел, впустив внутрь порцию ледяного сквозняка, и снова затих.

К девяти вечера кофейня опустела. Я заперла входную дверь на засов, перевернула табличку на «Закрыто» и погрузилась в рутину закрытия смены. Вымыть холдеры, засыпать свежие зёрна на завтра, пересчитать кассу, выключить основной свет.

Когда в зале остались гореть только гирлянды над панорамным окном, я набросила на плечи куртку, взяла тяжёлый пакет с мусором и выскочила через служебный ход во внутренний дворик.

Холодный воздух после протопленного помещения мгновенно обжёг лёгкие.

Переулок между «Тёплой чашкой» и старой швейной фабрикой был затянут туманом настолько густо, что я едва видела контейнеры в пяти шагах от себя. Фонарь над дверью мерцал, издавая противный треск, словно в него попала вода.

Я быстро выбросила мусор и уже повернулась, чтобы вернуться в тепло, как вдруг фонарь над головой с тихим щелч-

ком погас.

Вся подворотня погрузилась в непроглядную тьму.

Я замерла, сжав в кармане ключи от кофейни. Сердце почему-то пропустило удар.

Никакого шума не было. Ни шагов, ни шороха. Но температура воздуха вокруг меня упала настолько резко, что из рта вырвался густой клуб пара. Внезапно шею прожѐг леденящий, парализующий мороз — словно кто-то приложил кусок льда прямо к моему затылку. Волосы на руках встали дыбом.

«Просто коротит проводку. Влажность сто процентов», — сжимая зубы, заставила себя подумать я.

Я сделала шаг к двери, попыталась быстро нащупать замочную скважину, но от испуга руки подрагивали. Ключ сорвался, и я ощутимо огребла запястьем по торчащему из дверного косяка ржавому засову. Резкая боль обжгла кожу под рукавом, но мне было не до этого.

Мне казалось, что из густого тумана на меня кто-то смотрит. Без глаз, без лица, но с какой-то дикой, концентрированной злобой.

Фонарь над дверью снова вспыхнул, затрещал и залил переулок тусклым жѐлтым светом.

Подворотня была абсолютно пуста. Обычный туман, обычные мусорные баки.

Судорожно вдохнув морозный воздух, я наконец свернула ключ в замке, вскочила в подсобку и заперлась изнутри на

все засовы.

— Переутомление, — прошептала я, опираясь спиной о закрытую дверь и тяжело дыша. — Ты просто... переработала, Адель. Восемнадцать часов на ногах. Пора домой.

Домой я практически бежала.

Квартира встретила меня привычным уютом. Приняв горячий душ, чтобы смыть с себя этот странный, липкий мороз переулка, я упала в кровать. Голова едва касалась подушки, как веки налились свинцом. Физическое истощение взяло своё, и я мгновенно провалилась в тяжелый сон.

Меня выбросило в сновидение с ощущение резкого, болезненного падения.

Я стояла посреди странной, искаженной версии своего Норт-Марлоу. Здания вокруг казались высеченными из черного камня, а вместо привычного дождя в воздухе парил серый пепел. Улица была погружена в противоестественные сумерки.

И из темноты переулка выскользнула тварь.

Это не было похоже на животное — скорее, сгусток живой, шевелящейся тьмы с длинными, согнутыми под немыслимыми углами лапами. Тварь зашипела, рассекая воздух искривленными когтями, и рванулась ко мне.

Я закричала, попыталась заслониться руками, зажмурилась от дикого ужаса...

И в самый последний момент перед мной кто-то встал. Высокий мужской силуэт проступил из мрака. Незнакомец

заслонил меня собой, наотмашь сбил прыгнувшую тварь, а потом сон резко, со звоном в ушах, оборвался.

Я подскочила на кровати с громким, судорожным вдохом.

Будильник показывал 06:00 утра. Сердце колотилось в рёбра как сумасшедшее.

Но когда я попыталась отбросить одеяло, правую руку обжгло резкой болью.

Я опустила взгляд на своё запястье. На коже под рукавом пижамы алела длинная, саднящая царапина. Из неё проступали капельки крови.

У меня внутри всё заledenело, но разум мгновенно включил защиту.

— Так, стоп, — вслух прошептала я, судорожно выдыхая. — Без паники. Ты же сама вчера задела косяк у служебного хода, когда испугалась погасшего фонаря. Задела дверь, не обратила внимания, а ночью мозг просто привязал эту боль к кошмару. Обычная психология.

Я наклеила на порез пластырь, натянула свитер и начала собираться на работу, изо всех сил пытаюсь убедить себя, что это просто дурное совпадение.

Но липкий, нехороший страх уже пустил корни где-то глубоко внутри.

Утренний Норт-Марлоу тонул в дожде. Вода лила сплошной стеной, смывая грязь с брусчатки и превращая Портовую улицу в серый, шумящий поток.

Я старалась не смотреть на своё запястье. Пластырь под

рукавом бежевого свитера назойливо пощипывал при каждом движении, но я упрямо заставляла себя погрузиться в привычную рутину. Протереть столы, заправить кофемашину, нарезать свежие лимоны для чая, расставить на витрине ещё тёплые круассаны.

«Это просто совпадение. Задела засов, приснилась дрянь. Обычная психология», — крутилась в голове спасительная мысль.

Однако тишина в кофейне сегодня казалась иной. Обычно мягкая и уютная, теперь она давила на уши. Туман за панорамным окном не рассеивался даже под проливным дождём — он висел плотной, молочно-сизой пеленой, прижимаясь прямо к стеклу.

Около десяти утра прозвенел колокольчик.

На пороге стоял мистер Грин, старый букинист из лавки напротив. Он долго отряхивал свой потёртый зонт, прежде чем пройти к стойке.

— Свари-ка мне что-нибудь покрепче, Адель, — его голос звучал сипло. — Погода сегодня просто мерзость. Всю ночь не мог заснуть: за окном эта бессмысленная морось, да ещё и бродячие псы в переулке заливались так, словно их кто-то резал.

— Псы? — я замерла с холдером в руках. — В котором часу?

— Да около полуночи, — мистер Грин вздохнул, усаживаясь на высокий стул. — Залил двор туман, да такой густой,

что фонаря на том берегу улицы видно не было. И тишина... а потом этот скулѐж. Думал, опять бродячие стаи, но утром вышел — ни одного следа на грязи. Только запах странный. Словно озоном пахнет или гарью.

Я судорожно сжала металлический рожок. *Около полуночи.* Ровно в то время, когда я бежала домой от служебного хода.

— Наверное, просто сильный ветер со стороны залива, — выдавила я из себя привычно-вежливую улыбку и включила пролив.

Кофемашина зашумела, заполняя зал плотным ароматом арабики. Мистер Грин, забрав свой двойной эспрессо, ушёл к любимому столику у окна, а я осталась за стойкой, чувствуя, как липкий мороз медленно пробирает до костей.

Город в последнее время вообще будто сходил с ума. В новостях то и дело крутили сюжеты о ночных несчастных случаях в Портовом районе: кто-то уснул за рулѐм, кто-то сорвался с пирса в тумане, а в Нижнем городе люди всё чаще жаловались на внезапные приступы лунатизма и панических атак. Врачи списывали всё на влажность, постоянную бессонницу и тяжѐлые смены на верфях. Я тоже так думала. Усталость, стресс, плохая экология — логичные объяснения для разумного человека.

Потому что поверить во что-то иное было слишком страшно.

К полудню дождь немного утих, сменившись всё той же

липкой моросью. Заказчиков практически не было — пара студентов забрали кофе на вынос, да почтальон заскочил за горячим чаем.

Я стояла у стойки и оттирала паровой кран, когда колокольчик над дверью тонко, почти тревожно звякнул.

Впустив вместе с собой порцию ледяного, пропитанного сыростью воздуха, в кофейню вошёл незнакомец.

Я подскочила от неожиданности.

— Добрый день, — проговорила я автоматом, поворачиваясь к нему. — Начнём с...

Слова застряли у меня в горле.

Мужчина был высоким, широкоплечим, в тёмно-сером пальто с поднятым воротником, намокшем от дождя. Но поразило меня не это. Он выглядел так, словно только что вышел из эпицентра катастрофы.

Его тёмные волосы были взъерошены и вымокли, на скуле темнел свежий, наливающийся синяк, а под глазами залегли глубокие, почти чёрные тени от бессонницы и дикого истощения. От него веяло уличным холодом и чём-то ещё... Тонким, едва уловимым запахом озона и жжёной сухой травы.

Он не стал разглядывать уютный интерьер. Его взгляд — холодный, стальной, острейший — метнулся по залу, мгновенно зафиксировав мистера Грина в углу, запасный выход и, наконец, меня.

Когда наш взгляд пересекся, незнакомец на секунду замер. В его глазах вспыхнуло что-то странное: смесь тяжёлого

изумления, недоверия и глухой, выматывающей усталости. Словно он увидел перед собой человека, которого точно не рассчитывал застать в живых. Или того, кого искал слишком долго.

Он медленно прошёл к стойке. Каждое движение давалось ему с трудом — он слегка прихрамывал на левую ногу, а когда положил руки на дубовую столешницу, чтобы снять намокшую кожаную перчатку, я случайно опустила взгляд на его костяшки.

Они были содраны в кровь. Свежие, глубокие ссадины, словно он со всей дури лупил голыми руками по каменной стене или металлу.

— Тройной эспresso, — прозвучал его голос.

Он был низким, охрипшим и словно слегка надломленным изнутри, но в нём ощущалась такая привычка повелевать, что у меня пробрала дрожь.

— Без сахара, — добавил он, тяжело опираясь на стойку.

— Да... конечно. Минуту, — выдохнула я, судорожно сжимая питчер.

Я повернулась к кофемашине, почувствовав, как между лопаток колется его тяжёлый, немигающий взгляд. Пальцы подрагивали, когда я засыпала свежую порцию зёрен в холдер.

«Это просто уставший, подравшийся в подворотне клиент, — сжимала я зубы от подступающей паники. — Обычный суровый мужик из Портового района. Заказал ко-

фе. Всё нормально, Адель».

Но когда я поставила перед ним маленькую чашку с плотной кремовой пенкой, незнакомец неожиданно подался вперёд.

— Вы давно работаете в этой кофейне? — тихо спросил он.

Голос звучал буднично, но его стальные глаза ввелись в моё лицо, считывая малейшую реакцию.

— Я... я её владелец, — промямлила я, отступая на шаг и пряча забинтованную руку за спину. — Мы открылись три месяца назад.

Он не сводил с меня глаз. Взгляд соскользнул ниже — на моё движение, на свитер, под рукавом которого угадывался пластырь. Мужчина едва заметно сожмурился, словно от вспышки боли, и медленно взял чашку за ручку.

— Красивое место, — произнёс он без тени улыбки, делая глоток горячего, чёрного кофе, даже не поморщившись. — Но переулочек сзади у вас слишком тёмный. На вашем месте я бы запер служебный ход и не выходил туда после заката.

Он поставил чашку на блюдечко, положил на стойку крупную купюру, превышающую стоимость кофе втрое, и, даже не дождавшись сдачи, развернулся.

— Хорошего дня... Адель, — тихо бросил он через плечо, прочитав имя на моём льняном фартуке.

Дверной колокольчик звякнул. Незнакомец вышел в серую морось Норт-Марлоу, растворяясь в тумане так же быст-

ро, как и появился.

А я осталась стоять у стойки, глядя на пустую чашку и чувствуя, как рана под пластырем начинает назойливо и больно пульсировать.

Глава 2

Кристиан

На Изнанке не было времени. Здесь существовали только серый пепел, падающий с беспросветного неба, искажённые геометрии спящего города и вонь чужого страха.

Я стоял на крыше ратуши Норт-Марлоу, восстанавливая дыхание. Рукав пальто на левом плече продрала тварь второго ранга — мелкий, но шустрый Сомнум, прорвавшийся через тонкую грань чьего-то ночного бреда. Плечо саднило, а магический резерв после четырёх часов непрерывного патрулирования опустился до критического минимума.

Я был Стражем в Сумеречном Департаменте слишком долго, чтобы питать иллюзии. Наша работа — вычищать нечисть и паразитов, пока обыватели спокойно спят в своих сухих постелях. Если Сомнум пробивает защиту спящего в сновидении, человек в реальности получает психоз, коматозное состояние или просто больше не просыпается.

Каждую ночь я выходил на обычный патруль: скользил сквозь истончившиеся нити чужих снов, выискивая и истребляя порождения мрака.

И я до сих пор не мог понять, в какой момент всё изменилось.

Несколько недель назад я совершенно случайно наткнулся на её сон. Тогда он был светлым, тихим и глубоким —

девчонка спала крепко, не ведая о существовании Изнанки. Посмотрел и пошёл дальше по маршруту. Но с той самой ночи меня словно что-то связало с этим местом. В каждый патруль, огибая сотни чужих кошмаров, я против своей воли, словно по въевшейся в память привычке, снова и снова возвращался в её сновидение.

А последние три дня её сон превратился в ад.

Сновидение встречало меня холодом и гарью.

Она стояла посреди искажённой Портовой улицы — маленькая, хрупкая, но с завидным упрямством сжимавшая кулаки перед надвигающейся тьмой. Сомнум уже замахивался когтями. Высшая тварь, отродье глубоких слоёв.

«Чёрт бы тебя побрал, девчонка...» — прорычал я про себя.

Я едва успел. Выскочил из тени, заслонил её собой и принял основной удар на себя. Удар был такой силы, что кости в предплечье отозвались треском, а с костяшек содрало кожу. Тварь зарычала и метнулась вперёд. Я сбил сущность жёстким ударом, но в хаосе этого прыжка не успел перехватить один из её длинных когтей — он по касательной чиркнул девчонку по предплечью.

В ту же секунду её сон начал стремительно рушиться. Границы сновидения истончились, и она стремительно выныривала в реальность.

Я успел лишь на долю секунды обернуться, чтобы запомнить её лицо — бледное, с расширенными от удушающего

страха глазами, прежде чем её силуэт окончательно растворился.

В голове не укладывалось. Высшие Сомнумы не охотятся на простых обывателей. Им интересна лишь крупная добыча — или те, в ком кроется нечто большее, чем банальная фантазия.

«Кто ты вообще такая?.. И почему Изнанка так отчаянно пытается до тебя добраться?»

Меня с силой вытолкнуло обратно в реальность.

Сознание рывком вернулось в физическое тело. Я очнулся в глубоком кожаном кресле у себя в кабинете, в здании Сумеречного Департамента. В полумраке комнаты медленно гас защитный контур, начертанный на полу, — печать Завесы, которая автоматически активировалась во время погружений.

Я откинул голову на мягкую спинку и с трудом заставил себя сделать вдох. Вспышка боли в левом плече и содранные костяшки тут же отозвались вполне реальным адом — повреждения, полученные на Изнанке, всегда отпечатывались на физическом теле, если магический резерв уходил в ноль.

Я встал, едва удерживая равновесие — левая нога затекла и отзывалась тупой болью после прыжка. Напарники из отряда давно ждали отчёта по внутренней связи, но я просто заглушил передатчик на столе.

Мне нужно было увидеть её наяву. Лично убедиться, что она жива.

В её кошмаре сквозь гарь и искажённое марево Изнанки проступали реальные, знакомые мне очертания: угол старого склада и массивные панорамные окна кофейни напротив. Я отлично знал этот квартал Портового района.

Накинув пальто и скрыв окровавленные руки, я вышел из Департамента прямо под проливной дождь Норт-Марлоу и направился к Портовой улице. Дождь смывал каплю крови с подбородка, но не мог заглушить запаха озона, тянувшегося за мной с Изнанки.

Вывеска «Тёплая чашка» горела мягким янтарным светом.

Я толкнул дверь, готовясь к худшему — к тому, что увижу за стойкой сломанного, испуганного человека с помутнённым рассудком. Но когда поднял глаза, замер на пороге.

Она была жива. Настоящая, С ароматом корицы и свежего кофе. На бежевом фартуке аккуратными буквами было вышито имя: **Адель**.

Девчонка стояла за стойкой и изо всех сил пыталась улыбаться, отчаянно цепляясь за свою нормальную, понятную жизнь. Но я сразу заметил свежий пластырь, выглядывающий из-под рукава её свитера, и то, как осторожно, стараясь не морщиться от боли, она удерживала кофейник.

«Глупая, храбрая девчонка, — думал я, делая глоток горчайшего тройного эспresso, который она мне подала. — Ты понятия не имеешь, какому монстру приглянулась».

Оставить её без присмотра я больше не мог. Но и лезть

с расспросами к перепуганной гражданской — только привлекать лишнее внимание.

— Переулок сзади у вас слишком тёмный, — тихо произнёс я, глядя в её испуганные карие глаза. — На вашем месте я бы запер служебный ход и не выходил туда после заката.

Я положил деньги на стойку.

Колокольчик над дверью прозвенел, выпуская меня обратно в ледяной дождь.

Я подставил лицо под холодные капли, пытаюсь смыть остатки озона и усталости. Тварь вернётся следующей ночью — я чувствовал это кожей. И пока я не пойму, что именно приманивает Сомнума к этой Адель, мне придётся возвращаться в её сон снова и снова.

Вернувшись в кабинет Департамента, я переоделся и бегом глянул на рабочий стол. Из рации с треском пробивался искажённый голос напарника:

— *Вэйс, ты где пропал? На третьем секторе Изнанки снова пробой, нужно закрывать...*

Я протянул руку и щелчком тумблера заглушил связь. Мне нужно было немного времени, чтобы всё взвесить.

В голове крутился главный вопрос: **почему Высший Сомнум охотится за обычной гражданской?**

Сомнумы мелких рангов — всего лишь падальщики, питающиеся бытовой тревогой. Но Высшие живут на глубоких слоях Изнанки и не выходят на охоту без причины. Им нужна либо спавшая магия, либо редкий ментальный дар, либо

чья-то метка.

Я активировал внутренний архив Департамента и пробил её данные. В базе числилась личная карточка: **Адель Рид**, 24 года. Абсолютно «чистая» аура, никаких контактов с магией, обычная владелица кофейни. Но Высшие не ошибаются.

Я заставил себя закрыть глаза на полчаса. А когда стрелка часов перевалила за три ночи, снова активировал защитный контур на полу и погрузился на Изнанку. Ждать утра я не мог.

Изнанка встретила меня серо-пепельным маревом.

Сновидение Адель снова принимало форму её Портовой улицы, но Изнанка искажала его всё агрессивнее. А над замершей девчонкой уже сгущалась туша Высшего Сомнума. Тварь восстановилась быстрее — она питалась её нарастающим страхом.

— Назад! — рявкнул я, выхватывая клинок и сбивая первый удар твари.

Второй раунд превратился в сущий ад. Без магического резерва я работал на чистом инстинкте самосохранения. Сомнум сокрушительным ударом хлыста отбросил меня к стене, выбив клинок из рук. Левое плечо отозвалось такой вспышкой боли, что рана в реальности снова раскрылась, заставляя меня харкать кровью.

Тварь уже заносила когти над Адель, упёршейся спиной в глухую стену. В последнюю секунду я успел отвлечь Сомну-

ма тяжелым обломком кладки, выиграв пару мгновений, пока паника девчонки не обрушила сам сектор сна.

Меня с дикой силой вышвырнуло обратно в реальность.

Я подорвался в кресле своего кабинета, судорожно глотая воздух. Настенный циферблат показывал 04:15 утра. Рубашка на плече промокла от крови, резерв пуст, а тварь на Изнанке с каждым часом становится только сильнее.

Действовать в одиночку дальше было чистейшим безумием. Гордыня в нашей работе убивает быстрее, чем Сомнуны.

Я зажал раненое плечо и направился по тёмному коридору к кабинету главнокомандующего сектором.

Капитан Вальтер стоял у панорамного окна, глядя на залитый дождём Норт-Марлоу. Когда я вошёл, он окинул мой окровавленный вид тяжёлым, непроницаемым взглядом.

— Вэйс. Ты выглядишь так, будто тебя пропустили через мясорубку Изнанки.

— Так и есть, капитан, — без лишних реверансов отчеканил я, опираясь сухой рукой о косяк. — В портовом секторе аномалия. Высший Сомнун уже три ночи подряд ломает сон гражданской. Девчонка «чистая» по базам, но тварь идёт целью на убой. Я вступил в контакт, резерв на нуле, ранение токсичное. Один я его не удержу.

Вальтер медленно повернулся, его брови насупились:

— Высший? На гражданскую без ауры? Это бессмыслица.

— Я видел его своими глазами, — перебил я. — Мне нужно сплести Временный заслон прямо над её сновидением,

чтобы заблокировать сектор и дать нам время разобраться, какого черта Сомнуму от неё нужно.

Капитан молчал несколько секунд, взвешивая риски. Ситуация с Высшим Сомнумом, охотящимся на обычную гражданскую, ломала все привычные инструкции. Затем он подошёл к сейфу в стене и достал матовый чёрный ампульный шприц.

— Я даю тебе добро на заслон, Крис, — строго произнёс Вальтер. — Но ты в таком состоянии свой дар даже на четверть не запитаешь, не то что щит удержишь. Тебе нужна Эссенция Стража.

Я замер, глядя на матовую ампулу. *Эссенция. Экстренный стимулятор высшего порядка.*

— Ты знаешь условия, Вэйс, — сухо добавил Вальтер. — Эссенция поднимет твой резерв на максимум и силой раскачает магию, но откат будет адским. Когда действие закончится, судороги вывернут каждую жилу. У тебя ровно сутки. Потом ты ляжешь пластом.

— Колите, капитан, — отчеканил я и закатал рукав. — Мне хватит суток.

Глава 3

Адель

Я заперла замок служебного входа, дважды проверила тяжёлый засов и только после этого смогла перевести дух.

Слова мрачного незнакомца всё ещё звучали в ушах, разрастаясь липким, тревожным эхом. *«Запер служебный ход...»*

Я обняла себя за плечи, чувствуя, как под тканью свитера неприятно натягивается пластырь. Рана на руке не давала покоя с самого вечера — не столько больно, сколько странно, будто под кожей затаился ледяной сквозняк.

Быстро закончив уборку, я сняла фартук, повесила его на крючок и поднялась по крутой деревянной лестнице на второй этаж, в свою небольшую квартиру.

Здесь всё было привычным: запах сушёной лаванды, старый шерстяной плед на диване, мягкий свет торшера. Но сегодня даже родной дом не приносил чувства безопасности. Капли дождя с силой колотили по оконным стёклам, словно кто-то снаружи отчаянно пытался привлечь моё внимание.

— Ты просто переутомилась, — вслух сказала я себе, наливая в кружку горячую воду с ромашкой. — Три дня без нормального сна. Вот и мерещится всячина.

Я присела на край кровати и осторожно отклеила пластырь. Порезы выглядели странно. Обычная царапина долж-

на была воспалиться и покраснеть, но края этих трёх ровных полос казались бледными, почти синеватыми, словно ткань вокруг них слегка омертвела.

Я перевязала руку чистым бинтом, выпила чай и забралась под тяжёлое одеяло.

Спать не хотелось катастрофически. Страх перед очередным кошмаром сковывал тело, заставляя вслушиваться в каждый шорох старого дома. Но усталость взяла своё — глаза слипались сами собой, и мысли постепенно начали путаться, утягивая меня в тёмную, вязкую дремоту.

На этот раз сон начал разрушаться сразу.

Я стояла посреди своей кофейни, но вокруг всё было выжжено дотла. Вместо стеклянных витрин — зияющие провалы, вместо тёплого света — серая пепельная мгла.

Из глубины служебного переулка — прямо из-за той двери, которую я так тщательно заперла на засов, — вылилась густая, клубящаяся тьма. В воздухе мгновенно раздался уже знакомый, парализующий хрип.

Вуаль тьмы раздвинулась, и на меня уставились фосфоресцирующие глазницы огромной твари. Я хотела закричать, но воздух застрял в груди. Тварь занесла лапу с длинными серповидными когтями, готовая шагнуть через порог.

Но вдруг воздух с тихим, чистым звоном рассекла вспышка слепящего серебристо-синего света. Из темноты рухнула грандиозная стена из светящихся нитей. Она махом перекрыла весь переулок, отсекая сгоревшую кофейню от надви-

гающейся тьмы.

Тварь дико взвизгнула, когда эта сияющая преграда с размаху врезалась в неё.словно от удара молнии, монстра с грохотом отбросило назад, вышвыривая прочь из улицы. По стене пробежала волна золотистых искр, и тварь скрылась в пепельном тумане.

Я ахнула, закрываясь руками от яркого света. Вся улица вокруг меня оказалась внутри этого защитного периметра.

На самой линии светящейся стены стоял высокий силуэт в тёмном пальто. В его правой руке искрился длинный клинок. Лица было не разглядеть — его скрывала глубокая тень и воротник, но сам он стоял на границе, упираясь ногами в землю и буквально удерживая эту огромную преграду.

Монстр зарычал и снова бросился из тьмы на стену. Густой теневой хлыст с диким гулом ударил по светящимся нитям. Преграда выстояла, но незнакомец тяжело покачнулся. Из-под воротника его пальто, прямо по шее, проползли тонкие багровые венки.

— Сиди внутри и не дёргайся! — рывкнул он, даже не оборачиваясь в мою сторону. Голос прозвучал глухо, сквозь треск искр, но в нём слышалась стальная сила.

— Кто вы?... Что происходит?! — выкрикнула я, отступая на шаг.

Незнакомец не ответил. Сделав стремительный выпад вперёд, он взмахнул лезвием прямо сквозь светящуюся стену. Монстр оглушительно зарычал и отшатнулся глубоко в

туман.

Мужчина тяжело дышал, его грудь вздымалась с рваным хрипом. Сияющая стена гудела, надёжно запирая улицу от тьмы.

Незнакомец чуть повернул голову, и я успела заметить лишь тёмную каплю крови у его губ и холодный янтарь, вспыхнувший где-то в глубине его глаз.

— Спи, Адель, — тихо, но твёрдо произнёс он. — До утра оно не пройдёт.

— Погодите! — Я сделала шаг к нему, но подойти к самой границе не решалась. — Кто вы такой?!

Он не ответил. Пространство вокруг затрещало, и мой кошмар начал стремительно растворяться, выталкивая меня в утро.

Я резко подорвалась на кровати, жадно глотая воздух.

В квартиру через шторы пробивался серый рассветный свет. Дождь за окном прекратился, а настенные часы показывали семь утра.

Я сидела на скомканной простыне, тяжело дыша. Рука самопроизвольно тянулась к раненому плечу. Я осторожно оттянула край сорочки: прямо над кожей всё ещё теплилось едва ощутимое, мягкое тепло — точно такое же, как от той светящейся стены.

Я поднялась с кровати, подошла к окну и отдёрнула штору.

Портовая улица была абсолютно пуста. Лишь серый

утренний туман стелился по мокрой мостовой да капли воды тихо стекали по стеклу. Никаких монстров, никакого огня. Обычное, сонное утро.

Я приложила ладонь к холодному стеклу, всё ещё чувствуя, как внутри колотится сердце. Кто бы ни был тот незнакомец с мечом, он удержал стену. И впервые за последние три дня я проснулась живой.

Утро встречало запахом свежемолотых зёрен и прохладой, тянувшейся от наполовину открытой стеклянной двери.

Я механически протирала полированную поверхность стойки, хотя она и так блестела до идеального состояния. Мысли гудели, как перегревшийся парогенератор в кофемашине.

Всё, что произошло этой ночью, должно было остаться банальным сонным параличом. Очередным кошмаром из серии тех, что преследовали меня последние три дня. Но невидимое тепло над раненым плечом не исчезало. И каждый раз, когда я случайно задевала бинт под свитером, по коже пробегала волна чужого, сияющего тепла.

Дверной колокольчик над входом тихо звякнул, заставив меня вздрогнуть и выпустить из рук тряпку.

Я вскинула голову.

На пороге стоял он.

Тот самый посетитель, что заходил накануне вечером. Высокий, в том же тёмном пальто, на подкладке которого ещё блестели капли утреннего тумана. Но сейчас он выглядел

хреново: под глазами залегли тёмные тени, а лицом он был бледнее крашеной стены.

Он держал левое плечо слегка приподнятым, аккуратно прижимая руку к корпусу.

— Мы... ещё не открылись, — выдавила я, сжав пальцы на деревянном крае стойки.

Мужчина сделал шаг внутрь. Дверь за его спиной закрылась с мягким щелчком, отсекая шум Портовой улицы.

— Вы открыты, Адель, — произнёс он.

Он запомнил имя с бейджика, который разглядывал вчера. Но прозвучало это слишком спокойно, буднично — так, будто мы вовсе не расставались.

— Что вам нужно? — я отступила назад, упёршись поясницей в стеллаж с сиропами. — Я же сказала, кофейня ещё не работает.

Мужчина не ответил. Он подошёл к стойке и опёрся о неё ладонью. Пальцы слегка дрожали. Только сейчас я разглядела, что рукав его пальто на предплечье рассечён, а ткань вокруг разреза липкая и тёмная от крови.

— Кофе. Чёрный, — проговорил он, тяжело дыша. — И если есть аптечка — бинты.

Я замерла, глядя на тёмное пятно крови. Внутри всё похолодело.

— Вы сумасшедший?.. — я крепче сжала рукоять телефона под стойкой. — Я сейчас вызову полицию. Пожалуйста, уйдите, или я нажму кнопку тревоги.

Мужчина медленно вздохнул, закрыв глаза на пару секунд, будто у него не было сил на долгие споры.

— Адель, успокойся, — произнёс он тихо и абсолютно ровно. — Я не собираюсь причинять тебе вред. Но если придет полиция, мне придётся уйти, а ты останешься одна. Поверь, сейчас это худший вариант.

Я замерла. В его голосе не было агрессии — только сухая, вымораживающая уверенность.

— Запри дверь, — повторил он уже мягче. — Просто чтобы никому из прохожих не бросалась в глаза кровь.

Пальцы сами собой выпустили телефон. Я метнулась к входу, повернула тяжёлый засов и опустила плотную штору. Сердце колотилось где-то в горле.

Вернувшись за стойку, я вытащила из-под нижней полки пластмассовую аптечку. Руки с трудом слушались, пока я доставала рулон бинта и антисептик.

Мужчина уже снял пальто и аккуратно положил его на край стойки. На левом предплечье через разорванный рукав рубашки виднелась рваная рана — не смертельная, но глубокая, с потемневшими краями.

Я поставила коробку перед ним, не решаясь подойти слишком близко.

— Кто вы такой?..

— Крис, — коротко ответил он, осторожно оттягивая пропитанную ткань от кожи. Он поморщился, но звука не издал. — Дай перекись.

— Крис... и всё? — я подала ему флакон. — Вы приходите в мою кофейню весь в крови, знаете имя, требуете запереть дверь... Вы хоть понимаете, как это выглядит?!

Крис щедро полил рану антисептиком. На коже зашипела белая пена. На его скулах ходуном заходили желваки, но он даже не охнул.

— Понимаю, — ответил он, перевязав руку плотным слоем бинта. Затем поднял на меня тяжёлый взгляд. — Я пришёл убедиться, что ты в порядке после ночи. И что рука у тебя цела.

Я невольно прижала ладонь к собственному левому плечу — прямо к тому месту, где под свитером всё ещё теплилось странное тепло.

— Откуда... откуда вы знаете про руку?

— Позже, Адель, — Крис устало оперся о стойку. — Сначала сделай кофе. Чёрный. У нас обоих сегодня был паршивый сон.

Я тяжело сглотнула, пару секунд разглядывая его бледное лицо. Мой мозг отчаянно пытался найти рациональное объяснение происходящему, но привычные рамки рушились.

Молча повернувшись к кофемашине, я взяла холдер. Смолола зёрна, запрессовала кофейную таблетку и вставила рожок в группу. Сухой гул помпы и шипение пара ненадолго заполнили звенящую тишину заведения.

Пока двойной эспрессо струился в чашку, я краем глаза наблюдала за Крисом. Он сидел неподвижно, уставившись в

одну точку на столешнице. Его дыхание постепенно выравнивалось.

Я поставила чашку прямо перед ним.

— Без сахара. А теперь говорите.

Крис обхватил горячую керамику длинными пальцами, сделал один глубокий глоток и лишь затем поднял на меня взгляд.

— Ты три дня подряд видишь один и тот же сон, верно? — проговорил он сухим, ровным тоном. — Выжженный переулочок. Разрушенные стены. И тварь, от которой не получается убежать.

Воздух вышибло из моих лёгких. Я отшатнулась, уперевшись руками в край стойки.

— Откуда... откуда вы это знаете? Вы что, следили за мной?!

— Я просто знаю, Адель, — Крис сделал ещё один глоток и поставил чашку на дерево. — В этом городе есть вещи, которые не объяснить обычным стрессом.

— Вы залезли ко мне в кофейню, говорите какой-то бред... — мой голос сорвался, в нём зазвенели панические нотки. — Уходите. Сейчас же!

Крис аккуратно накиннул пальто, даже не поморщившись, хотя левый рукав натянулся на свежем бинте.

Я стояла у стойки, сжимая в кулаке пустой флакон из-под перекиси. Голова шла кругом. Передо мной стоял угрюмый, раненый мужчина, который требовал запереть дверь, знал

моё имя и отказывался хоть что-то объяснить.

— Вы... вы так и не сказали, откуда узнали про моё плечо,
— выдавила я, встречая его взгляд. — И откуда у вас эта рана?

Крис замер у самого выхода, зажав в пальцах дверную ручку. На моё давление он даже бровью не повёл — его лицо оставалось сухой, непроницаемой маской.

— У тебя слишком много вопросов, Адель, — отрезал он ровным, глухим голосом. — А у меня нет времени на них отвечать.

— Я имею право знать! — я сделала шаг из-за стойки, но тут же остановилась, когда он обернулся. — Вы приходите в мою кофейню весь в крови и делаете вид, будто...

— Я делаю то, что должен, — перебил Крис. В его тоне не было злости — только ледяная, давящая усталость. — Если хочешь дожить до завтрашнего утра, сделаешь то, о чём я просил.

Он повернул засов. Прохладный утренний воздух из открывшейся двери на миг разбавил плотный запах антисептика и кофе.

— Не выходи из кофейни после заката, — тихо повторил он. — И никому не открывай. Завтра я вернусь.

Дверь закрылась. Колокольчик над входом коротко звякнул, а я так и осталась стоять посреди пустой кофейни, судорожно сжимая раненое плечо и глядя на остывающую чашку чёрного кофе на стойке.

Я простояла без движения минуты три, уставившись на закрытую дверь. На остывший кофе. На пустую пластмассовую аптечку на стойке. В голове свистела пустота — мозг отчаянно пытался переварить всё, что произошло за последние десять минут.

Раненый утренний гость. Знает имя. Требуется запереть дверь. Знает про плечо.

— Бред, — выдохнула я в тишину кофейни. Голос прозвучал жалко и ненадёжно. — Полный бред.

Я почти побежала в служебную подсобку. В тесном помещении, пахнушем кофейными мешками и моющими средствами, горела тусклая одинокая лампочка.

Встав перед небольшим мутным зеркалом над раковиной, я дрожащими пальцами начала расстёгивать свитер. Ткань поддавалась неохотно, словно защищая меня от того, что я искала. Я стянула шерсть с левого плеча и сорвала медицинский пластырь.

Вскрик вырвался сам собой. Я тут же зажала рот ладонью. Никакой привычной раны там не было. На бледной коже, прямо над ключицей, темнело несколько тонких, рваных порезов. Но из них не шла кровь. Края порезов слегка потемнели и отдавали странным, едва заметным синеватым оттенком. И именно от них исходило то самое глухое, нездоровое тепло, которое я чувствовала всё утро.

Я осторожно коснулась края раны. Боли не было, но по коже пробежал липкий, пронизывающий холод.

— Это был не просто сон... — шепнула я своему отражению. Девушка в зеркале смотрела на меня дикими от испуга глазами.

След от когтей из кошмара перенёсся на моё настоящее тело. Мозг отказывался в это верить, но бледные порезы на плече были реальнее некуда. И если физическая травма из сна проявилась наяву... что тогда происходит с теми, кого там убивают насовсем?

От этой мысли внутри всё заледенело. Если тварь из кошмара достанет человека, в реальности он просто не проснется.

Сжав зубы, я натянула свитер обратно, выскочила из подсобки и кинулась к стойке, где лежал мой ноутбук.

Пальцы выбивали дробь по клавишам, промахиваясь мимо букв. Мозг цеплялся за последнюю надежду найти хоть какое-то объяснение этому безумию. Я вбила в поисковую строку:

«Травмы во сне переходят в реальность причины»

Экран моргнул, выдав сотни ссылок на форумные темы про сонный паралич, лунатизм и фантомные боли. Я с досадой пролистала их — всё не то. Никто не просыпался с настоящими порезами.

Тогда я изменила запрос, пытаюсь понять, не происходило ли подобного с кем-то ещё поблизости:

«Внезапная смерть во сне Портовый район»

Я перешла во вкладку местных городских новостей, от-

сеивая жёлтую прессу и рекламные баннеры. И зацепилась взглядом за короткую заметку в архиве за прошлую неделю:

«Серия внезапных смертей в Восточном квартале: четверо жителей скончались во сне».

Статья была короткой: стандартные формулировки полиции про «причин для уголовного дела нет», «остановка сердца» и «отсутствие следов насильственной смерти».

Никаких подробностей. Но сам факт... Четверо человек. Во сне. В одном районе.

Я закрыла крышку ноутбука. Экран погас, погрузив стойку в полумрак. У меня не осталось ни одного аргумента, чтобы убедить себя в том, что я просто схожу с ума.

Весь оставшийся день прошёл как в лихорадочном бреде. Я на автомате принимала заказы, улыбалась редким посетителям и наливала эспрессо, но сама каждую секунду косилась на часы и на плотную штору на двери.

Когда стрелка подползла к семи вечера, я не стала задерживаться ни на минуту. Повернула табличку «Закрыто», защёлкнула тяжёлый засов и опустила жалюзи на всех окнах. В кофейне воцарился полумрак, разбавленный лишь мягким тусклым светом над стойкой.

Идти домой сквозь темнеющие переулки Портового района казалось безумием. Я останусь здесь.

Служебный кабинет в глубине подсобки был крошечным — пара квадратных метров, заставленных коробками с бумажными стаканами, полками с сиропами и старым пись-

менным столом. Я вытащила из шкафа пару запасных пледов, которые мы держали для гостей на веранде, и соорудила прямо на узком диванчике подобие постели. Заперла дверь подсобки изнутри на задвижку, подперла ручку деревянным стулом и только потом выключила свет.

Тишина давила на уши. Я лежала в темноте, подтянув колени к груди, и слушала, как на улице изредка шумят редкие машины.

Раненое плечо глухо пульсировало. Временами казалось, что под свитером разгорается маленький, невидимый уголёк, отдающий странной, сухой прохладой.

Я пролежала так больше двух часов. Глаза слипались, но мозг отчаянно сопротивлялся, выталкивая меня из дремоты при каждом шорохе за окном. Но усталость и стресс последних дней взяли своё. В какой-то момент тяжесть в веках стала невыносимой, тело размякло, и я провалилась в липкую, бездонную темноту.

Запах гари ударил в нос раньше, чем я успела открыть глаза.

Я стояла посреди всё того же выжженного, полуразрушенного переулка. Наверху, вместо неба, клубились тучи из серой, тяжёлой золы. Воздух был сухим и горячим, обжигающим горло при каждом вдохе.

Всё было точно так же, как в прошлые ночи. За одним исключением.

Прямо посередине переулка, отрезая путь к руинам, сто-

яла странная призрачная стена. Она состояла из сотни тонких, сияющих нитей янтарного цвета, сплетённых в сложный, пульсирующий узор.

За этой сияющей преградой, в густой непроглядной тени, что-то билось.

Я слышала этот звук: сухой, скрежещущий стук когтей по камню и низкое, горловое шипение. Твари бросались на светящуюся сетку, и каждый раз, когда их невидимые туши ударялись о янтарные нити, по воздуху рассыпался сноп белых искр. Нити гудели, натягивались, но пока держали.

Я сделала шаг назад, судорожно озираясь по сторонам.

— Эй!.. — выдохнула я, но голос утонул в скрежете за барьером. — Есть кто-нибудь?!

Пустота. В выжженном переулке не было ни души. Никакого мужчины в тёмном пальто. Только развалины, дым и тонкая сияющая стена, отделявшая меня от голодного нечто за её пределами.

Я бросилась в сторону, огибая обломки кирпичей, заглядывая в тёмные проёмы разрушенных стен.

— Помогите! Кто-нибудь! — кричала я, срывая голос, чувствуя, как паника снова сжимает горло.

Никакого ответа. Незнакомца, который в прошлый раз закрыл меня собой, нигде не было. Я была абсолютно одна посреди этого безумия, а янтарные нити барьера с каждым новым ударом из тьмы тускнели, постепенно теряя своё свечение.

Удары за барьером становились всё чаще, превращаясь в сплошной, оглушительный гул.

Я замерла на месте, глядя, как от очередного толчка по янтарным нитям пробежала тонкая, тёмная трещина. Сетка отозвалась жалобным звоном. Ещё один удар — и от места контакта во все стороны расползлась паутина новых разломов. Сияние угасало на глазах, нити истончались, превращаясь в хрупкие паутинки.

Внутри всё похолодело. Твари за стеной почувствовали слабость преграды: шипение сменилось торжествующим рыком.

— Нет, нет, нет... — прошептала я, отступая на шаг.

Очередной мощный таран сотряс воздух. Несколько нитей в центре с треском лопнули, и в образовавшуюся брешь просунулась чёрная, лишённая кожи лапа с длинными искривлёнными когтями. Сетка трещала по швам. Ещё секунда — и всё рухнет.

И вдруг треск прекратился.

Взрыв яркого, ослепительного янтаря ударил по глазам. В воздух поднялась волна густого, сияющего марева. Старые, покрытые трещинами нити не сломались — поверх них мгновенно наложился новый, куда более плотный узор из чистого света.

Разломы затянулись за долю секунды. Брешь захлопнулась, перерубив когти высунувшейся твари, отчего из-за стены донёсся визгливый вопль. Новый барьер вспыхнул с та-

кой силой, что тьма за ним отпрянула, а сияние стало настолько густым, что сквозь него перестали пробиваться даже силуэты.

Я зажмурилась, закрывая лицо рукой от ослепительной вспышки. А когда снова открыла глаза, дышать стало немного легче, хотя сердце всё ещё выписывало бешеные ритмы.

— Есть кто-нибудь?.. — выкрикнула я в гулкую пустоту переулка, судорожно озираясь. — Пожалуйста! Я знаю, что вы здесь!

Ответа не последовало. Только треск горящего воздуха и густой янтарный гул свежего барьера.

Я сделала глубокий вдох. Вдруг перед глазами всё резко поплыло, словно сам воздух в переулке сжался и преломился, как над раскалённым асфальтом. Я зажмурилась, потрясла головой и проморгалась, пытаюсь согнать морок.

В двух шагах от барьера проступили контуры.

Сначала — размытый, едва заметный силуэт. Затем — очертания высокой фигуры спиной ко мне. Он казался полупрозрачным, словно сотканным из серого дыма и утреннего тумана, но это совершенно точно был тот самый незнакомец, который заслонял меня прошлыми ночами. Лица снова не было видно — он лишь слегка развернулся боком.

— Я... я вижу вас, — выдохнула я, сделав осторожный шаг вперёд.

Серый силуэт замёр. Он не повернулся ко мне лицом, но я отчётливо увидела, как его голова медленно, почти неуло-

вимо качнулась из стороны в сторону. Отрицание.

— Нет, не качайте головой! — я сжала кулаки, почувствовав, как паника перерастает в злую, отчаянную уверенность. Я сделала ещё шаг, почти вплотную приближаясь к его призрачной фигуре. — Я видела! Вы только что покачали головой! Вы здесь!

— Адель, — его голос прозвучал странно: глухо, с лёгким металлическим эхом, будто он говорил сквозь толщу воды. — Пока тебе ничего не угрожает. Но...

Он резко запнулся. Голова чуть накренилась, тёмные плечи под призрачным пальто напряглись. На секунду в переулке повисла тяжёлая, звенящая пауза, в которой слышно было только ровное гудение барьера.

— Я ищу информацию, — наконец отрезал он, так и не договорив первую мысль. — Зачем этим тварям понадобилась именно ты.

Я замерла, не смея сделать даже вдох. От того, как спокойно и буднично прозвучали его слова, по спине пробежал ледяной мороз.

— Барьер простоит сегодня и завтра, — продолжил он всё тем же сухим, нетерпящим возражений тоном. — А дальше посмотрим, что с этим делать.

— Подождите! — я сделала шаг к нему, протягивая руку, чтобы схватить за рукав, но пальцы прошли сквозь серую дымку, почувствовав лишь укол жгучего холода. — Что значит «посмотрим»?! Кто вы такой? Почему вы меня защища-

ете?!

Призрачная фигура даже не вздрогнула от моего движения.

— Спи, Адель, — тихо и отстранённо произнёс он, и в его голосе впервые проскользнула смертельная усталость. — Кошмары тебя больше не беспокоят.

В ту же секунду янтарное сияние сетки вспыхнуло с ослепительной силой, заливая выжженный переулок ровным золотым светом. Серый силуэт окончательно растворился в этой вспышке.

Тьма за стеной отступила, скрежет когтей утих, а горячий воздух переулка мягко сменился прохладой и тишиной, увлекая меня в глубокий, спокойный сон без сновидений.

Глава 4

Я не находила себе места с самого утра. Каждая деталь вчерашнего дня — новости о четырёх погибших во сне, рваные порезы на плече и окровавленный посетитель — скручивалась внутри в тугую, удушающую узел.

Когда колокольчик над дверью тихо звякнул, я едва не выронила из рук металлический холдер кофемашины.

На пороге стоял Крис. Но если вчера он выглядел просто хреново, то сегодня казался живым трупом. Лицо было серо-пепельным, на лбу блестела холодная испарина, а движения стали резкими, рваными — будто каждый шаг давался ему с боем. Его явно накрывал дикий, болезненный отходняк: то ли от вчерашней потери крови, то ли от какого-то жестокого приступа.

Он тяжёлым шагом подошёл к стойке, даже не взглянув на доску с меню.

— Двойной эспрессо. И стакан воды, — голос его прозвучал глухо и сипло.

Я тяжело сглотнула, быстро налила воду и поставила перед ним пропотевший стеклянный стакан. Я не могла оторвать взгляда от его пальцев — они слегка подрагивали, сжимая стекло.

— Вы... вам плохо? — не удержалась я, чувствуя, как липкий страх смешивается с тревогой. — Может, всё-таки вы-

звать врача?

Крис полностью проигнорировал мой вопрос. Он осушил стакан в два глотка, затем поднял на меня тяжёлый, туманный от боли взгляд и между делом, абсолютно буднично бросил:

— Ты ночевала прямо здесь, в кофейне?

У меня внутри всё похолодело. Пальцы сжали край стойки так, что побелели костяшки. Вчера я заперлась в тесной подсобке на задвижку, никому не сказав ни слова.

— А вы... откуда знаете?! — голос сорвался на шёпот. — Вы что, следите за мной?!

Крис снова пропустил мою вспышку мимо ушей, будто я спросила про погоду. Он допил кофе одним большим глотком, поморщился и бросил положенную сумму на полированное дерево.

— Сегодня после заката тоже невыходи, — отрезал он, тяжело поднимаясь со стула. — Сиди внутри. Никому не открывай.

— Погодите! Ответьте хоть на один вопрос!

Но Крис уже повернулся и пошёл к выходу. Его слегка качало из стороны в сторону, но он продолжал держать спину прямо, сжав челюсти до желваков.

Дверь за ним закрылась, а я осталась одна в звенящей тишине.

Весь оставшийся день я металась по кофейне как загнанный в угол зверь.

Мозг отчаянно вопил: *«Звони в полицию! Собирай вещи и беги из этого района к подруге! Перестань играть в эти игры! Напротив тебя стоит подозрительный, раненый тип, который как-то узнал, где ты спала!»*

Но парадокс заключался в том, что параллельно с этой паникой во мне жило совершенно другое чувство. Странное, дикое и абсолютно не поддающееся никакой логике доверие.

Я проводила пальцами по бинту на плече. Вспоминала заголовки из городского архива о четырёх людях, скончавшихся во сне в соседнем квартале. Вспоминала янтарную сетку из кошмара, удерживавшую тварь из тьмы, и серого призрака, который закрыл меня собой.

Я была напугана до полусмерти, взвинчена до предела и готова была сорваться от любого резкого звука. Но где-то на подкорке я точно знала: если я не послушаю Криса и переступлю порог кофейни после заката — меня уже ничего не спасёт.

День тянулся невыносимо долго. На улице медленно сгустились сизые вечерние сумерки, и вместе с ними в пустую кофейню проникал липкий, осязаемый холод.

Я закрыла засов ровно в шесть, зашторила окна и заперлась в подсобке.

Спать не хотелось. Одно лишь воспоминание о темнеющих порезах под свитером заставляло сердце колотиться где-то в горле. Но усталость и нервное истощение взяли своё — глаза слиплись сами собой, стоило мне откинуться на scom-

канный плед.

Я очнулась от знакомого запаха гари и пепла.

Выжженный переулочок встретил меня той же звенящей, мёртвой тишиной. Серые тучи золы неподвижно висели над головой.

А прямо посередине улицы всё так же пылал янтарный барьер. Сегодня его нити горели ровным, густым, почти ослепительным светом. Никакого скрежета за стеной, никаких тварей — лишь тихий, успокаивающий гул, наполнявший всё пространство вокруг.

В двух шагах от барьера стояла знакомая высокая фигура.

Серый, полупрозрачный силуэт мужской спины в тёмном пальто. Он стоял неподвижно, сложив руки на груди и глядя сквозь светящуюся сетку куда-то в непроглядную тень.

Я сделала осторожный шаг вперёд. Обломки кирпичей под ногами даже не хрустнули — во сне всё казалось странно приглушённым.

— Вы опять здесь... — тихо проговорила я.

Фигура не шелохнулась. Металлический, глухой голос раздался прямо в моей голове, минуя слух:

— Я же сказал. Барьер простоит.

Я остановилась в метре от него. Серый дым, из которого состоял его силуэт, слегка подрагивал на ветру, но сам незнакомец казался монолитной скалой.

— Кто вы такой? — я крепче сжала кулаки, чувствуя, как внутри закипает отчаянная жажда ответов. — Вы защищае-

те меня здесь, от этих тварей... А наяву ко мне приходит раненый человек и говорит те же самые слова! Вы как-то связаны?!

Призрачный силуэт чуть накренил голову. На секунду мне показалось, что он вот-вот обернётся и я наконец увижу его лицо. Но он остался неподвижен.

— В этом месте важны не имена, Адель, — отстранённо ответил он. Голос прозвучал прямо в моей голове, минуя слух. — Главное — то, что ты внутри периметра.

— Да при чём тут периметр?! — я сделала шаг вбок, пытаясь заглянуть ему в лицо, но дымка вокруг его головы лишь плотнее сгустилась, скрывая черты. — Человек, который приходил ко мне утром, едва держался на ногах! Ему было тяжело дышать, его штормило от боли... Это... это из-за этой стены, да? Тот, кто держит защиту в реальности, умирает из-за меня?!

В переулке повисла тяжёлая, давящая пауза. Янтарные нити сетки тихо загудели, выбивая одинокую золотистую искру.

— Не забивай себе голову тем, чего не понимаешь, — в его голосе проскользнули сухие, жёсткие нотки. — Твоя задача — просто выжить. Не выходить после заката и никому не открывать.

— Я не хочу, чтобы кто-то погибал! — выкрикнула я, чувствуя, как к горлу подступает подлинный страх. — Я видела новости! В Восточном квартале уже погибли четверо! С ни-

ми произошло то же самое?! Тварь достала их во сне?!

Серый силуэт медленно развернулся ко мне. Лица по-прежнему не было видно — лишь тёмная, непроницаемая тень под воротником и два тусклых янтарных огонька там, где должны были быть глаза.

— Они не знали, как защищаться, — тихо проговорил он. — А у тебя есть эта стена.

Слова прозвучали не как обещание, а как сухой, страшный факт. Словно кто-то приказал себе быть моей преградой, чего бы это ни стоило.

— Почему именно я?.. — прошептала я, отступая на шаг под тяжестью его янтарного взгляда. — Зачем этим монстрам нужна я?

— Я ищу ответ, — ответил он. — И пока не нашёл... спи, Адель. Тебе нужно восстановить силы.

— Погодите, не уходите! — я протянула руку, но янтарное сияние стены вспыхнуло с такой невероятной силой, что заставило меня зажмуриться.

Свет залил всё вокруг — выжженный переулок, призрачную фигуру, тучи золы. Горячий воздух сменился прохладным подвальным сквозняком, и кошмар окончательно растворился, выталкивая меня в новый день.

Утро встречало привычным сероватым светом, пробивавшимся сквозь щели в жалюзи, но внутри меня всё трепетало от непонятного ожидания.

Я подорвалась с диванчика в подсобке, наскоро привела

себя в порядок и первым делом сдёрнула тяжёлый засов на входной двери. Всю прошлую ночь мне казалось, что если я сделаю всё правильно — отворю замок, намолю чистую чашку и сварю крепкий эспрессо, — он снова переступит этот порог. Раненый, угрюмый, несносный, но живой.

Часы на стене размеренно отсчитывали минуты: восемь утра, девять, десять...

Крис не пришёл.

Я механически принимала редких заказчиков, на автомате отдавала капучино и американо, но каждые пять секунд мой взгляд выхватывал силуэты за окном. Каждый раз, когда колокольчик над дверью тихо звякал, сердце подпрыгивало к самому горлу. Но это были обычные прохожие: курьеры, студенты, спешащие на пары офисные клерки.

К полудню внутри поселилось липкое, зудящее беспокойство.

«Это из-за стены, да? Тот, кто держит защиту, умирает из-за меня?» — собственные слова из вчерашнего сна возвращались эхом, отравляя мысли. Вчера утром Крис выглядел как человек, стоящий одной ногой в могиле. Его штормило, от него веяло лихорадочным холодом. Что, если ему стало хуже? Что, если он просто не смог встать?

В три часа дня я поймала себя на том, что просто стою посреди пустой кофейни с тряпкой в руках и гипнотизирую взглядом дверную ручку.

Он не появился ни в обед, ни вечером.

В шесть вечера улицы Портового района начали стремительно погружаться в сумерки. С каждой уходящей минутой дневного света моё доверие к его вчерашним словам вступало в жёсткую схватку с отчаянием. Крис сказал не выходить после заката. Крис сказал никому не открывать. Но где он сам?!

Я подошла к стеклянной двери, выходящей на Портовую улицу. Вечерний туман густыми клубами полз от набережной, обволакивая фонари и выжигая цвета из окружающего мира. Улица выглядела вымершей.

Сжав зубы от бессилия, я повернула защёлку засова, опуская плотные жалюзи.

Если вчера его визит казался пугающим и странным, то сегодняшняя тишина за закрытой дверью пугала куда сильнее, чем любые твари из кошмаров. Вчера он едва держался на ногах. Что, если за день ему стало только хуже? Что, если он вообще не смог подняться?

Я свернулась калачиком на узком диванчике в подсобке, сжимая в кулаке край колючего пледа и гипнотизируя взглядом тёмный потолок.

«Кому я вообще верю? — мысль злой пчелой билась в голове, отравляя мозг. — Раненному незнакомцу, который ворвался с утра, напугал до полусмерти и наговорил какой-то дикой чуши про закат? Чушь это всё. Я просто переработалась. Стресс, бессонница, вот психика и выдаёт глюки наяву».

Всё, хватит с меня этой паранойи. Завтра я иду ночевать к себе домой. Хватит прятаться по углам в собственной кофейне из-за бреда какого-то сумасшедшего.

С этим твёрдым намерением я наконец закрыла глаза и почти сразу провалилась в бездонный, вязкий сон.

Запах гари и горячей золы встретил меня привычной тяжестью.

Я снова стояла посреди всё того же выжженного переулочка. Но в этот раз всё выглядело иначе. Янтарный барьер, который раньше горел ослепительным, полным силы светом, казался блёклым, истончившимся, словно гаснущий в темноте уголёк. По сияющим нитям медленно ползли длинные, мутные трещины.

Внутри всё сжалось от дурного предчувствия.

— Эй!.. — выкрикнула я в серую мглу, сделав робкий шаг к рушащейся стене. — Вы здесь?! Вы меня слышите?!

Тишина. Никакого серого силуэта. Никакого призрачного защитника.

ГРОМ!

Оглушительный, страшный удар сотряс воздух. По центру барьера пронеслась гигантская брешь, и сразу несколько нитей с жалобным звоном лопнули. За стеной раздался победный, парализующий хрип.

Сердце ушло в пятки. Паника накрыла с головой.

— Где же вы?! — крикнула я в полном отчаянии, дико оглядываясь по сторонам. — Пожалуйста!

И тут прямо над землёй я заметила тонкий, едва уловимый всполох энергии — пульсирующую золотистую нить, которая стремительно тянулась прочь из выжженного переулка, уходя куда-то в непроглядную темноту.

В этот же момент скрежет за спиной стал невыносимым. Чёрная, покрытая язвами лапа с дикой силой рванула брешь, и тварь уже наполовину прорвалась сквозь гаснущий барьер. Фосфоресцирующие глаза уставились прямо на меня.

Я взвизгнула и бросилась прочь.

Ноги подкашивались, но липкий, животный ужас подстёгивал лучше любого хлыста. Я бежала за этой тонкой золотистой нитью, совершенно не понимая, зачем вообще за ней следую и куда она ведёт. Но это был единственный ориентир в этом адском кошмаре.

Тварь за спиной взревела и бросилась в погоню. Я слышала её тяжёлое, зловонное дыхание и сухой стук когтей по пеплу прямо за своей спиной. Всё быстрее, быстрее! Страх гнал меня вперёд на каком-то бешеном, нереальном ускорении, тело двигалось само, словно лёгкая тень.

Ещё секунда — и горячее дыхание монстра опалило шею...

Но в следующий миг мир вокруг резко схлопнулся.

Волна пепла и выжженный переулок исчезли за мгновение ока. Рычание твари глухо оборвалось, будто его заперли за многометровой бетонной стеной.

Я замерла, тяжело дыша и до боли сжимая кулаки.

Вокруг не было кошмара. Я стояла посреди полутёмной, совершенно незнакомой комнаты. За окном тихо падал дождь, а в воздухе пахло хвоей, антисептиком и чем-то острым, горелым. Я всё ещё сплю? Но это место выглядело слишком... настоящим. Словно я каким-то непостижимым образом перешагнула из своего сна в чужой. Или просто вбежала в чьё-то чужое, закрытое пространство.

Золотистая нить на полу всё ещё слабо пульсировала, уводя к широкой кровати в глубине комнаты.

Я сделала осторожный шаг. На постели пластом лежал мужчина.

Его бросало в дикую, выжигающую лихорадку. Багровые, раздутые вены проступали по всей шее и лицу, а тело время от времени сводило жестокой, выкручивающей судорогой. Было видно, как нечеловеческая боль выворачивает каждую его жилу, буквально сжигая изнутри.

Я подошла ближе и ахнула, закрыв рот ладонями.

— Крис?.. — выдохнула я.

Мужчина на кровати судорожно вздохнул. Его веки тяжело дрогнули, и он медленно сфокусировал туманный, горячий взгляд на мне.

— Адель?.. — его голос прозвучал как хриплый, болезненный скрежет. — Что... что ты здесь делаешь?.. Как ты сюда прошла?..

— Это ведь сон?.. Крис?.. Как?! — Голос сорвался на визг. Я судорожно зажмурилась, затем снова широко рас-

крыла глаза, но незнакомая спальня никуда не исчезла. — У меня же был кошмар! Там была тварь! Почти достала меня! Как, черт тебя бери, ты можешь быть в моём сне?! Это бред какой-то! Я окончательно сошла с ума...

Я отшатнулась от кровати, отчаянно зажимая уши ладонями, словно это могло защитить меня от надвигающейся истерики. В голове всё трещало по швам. Мир разваливался на куски, где законы логики больше не работали. Крис из реальности — тот самый угрюмый, раненый визитёр из кофейни — лежал прямо передо мной, посреди моего собственного сновидения, тяжело дыша и буквально сгорая от дикой лихорадки.

Мужчина на кровати судорожно вздохнул. Каждое движение давалось ему с титаническим трудом, а раздутые багровые вены на его шее пульсировали так, будто под кожей тлели раскалённые угли.

Он с усилием сжал челюсти, опираясь локтями о матрас, и медленно, по миллиметру приподнялся настежь. Его янтарный, мутный от боли взгляд упёрся прямо в меня.

— Чёрт тебя дери, Адель... — прохрипел он, глотая горячий воздух. — Я же... я же ясно сказал... сидеть внутри периметра... Как ты вообще... смогла пробить мой защитный контур?!

— Контур?! — переспросила я, опешив от этого слова. — Какой контур?! Где?! Я вообще бежала за всполохами энергии, потому что барьер рушился, и та тварь чуть не сожрала

меня! Я увидела золотую нить и просто рванула за ней! А потом... потом оказалась здесь. Как?! Как это вообще произошло?!

Я сжала кулаки, почувствовав, как ногти въедаются в ладони. Паника нарастала с каждой секундой.

— Ты... ты понимаешь, что это невозможно?! — я почти кричала, переходя на фальцет. — Сны так не работают! Люди не вбегают в чужие сновидения через светящиеся ниточки! Объясни мне хоть что-нибудь, пока у меня окончательно не съехала крыша!

Крис тяжело сглотнул. Багровые вены на его шее тускло пульсировали, но после моей вспышки его взгляд немного прояснился, став прежним — холодным, тяжёлым и цепким.

Он с тихим рычанием опустил ноги на пол и сел на краю кровати, тяжело опираясь локтями о колени. Каждое движение давалось ему с невероятной болью, но он сжал зубы и заставил себя выпрямиться.

— Заткнись и послушай меня, Адель, — прохрипел он, не поднимая головы, глотая рваный воздух. — Хватит орать.

— Я имею право...

— Это не твой кошмар, — перебил он меня, медленно поднимая глаза. — Ты бежала по каналу, который держал твой барьер. И вбежала напрямиком в мой сон.

Я замерла, так и не закрыв рот.

— Что?.. — выдохнула я.

— Это моё пространство. Моя квартира. Моё сновиде-

ние, — Крис с усилием сжал подрагивающие пальцы в кулак.
— Никто... слышишь меня? Никто не способен просто так
взять и перешагнуть границу в чужой сон. А ты сделала это
на одном чёртовом испуге.

Он смерил меня долгим, изучающим взглядом, в котором
сквозь лихорадочную муть пробивалось настоящее изумле-
ние.

— Кто ты вообще такая, Адель?..

Глава 5

— Кто я?! — отчеканила я, скрестив руки на груди, хотя пальцы всё ещё подрагивали. — Я Адель Рид. Обычный человек! Хозяка кофейни, которая просто хочет высыпаться по ночам! А вот *ты*кто такой?!

Крис коротко, горько ухмыльнулся, но ухмылка тут же сменилась гримасой боли. Он тяжело вздохнул, сжав пальцами края матраса.

— Обычные люди не перемещаются между снами, Адель, — прохрипел он, проигнорировав мой встречный вопрос. — Они не видят энергетических каналов и уж тем более не ломают чужую защиту на ходу.

Я сделала шаг вперёд. Паника внутри окончательно уступила место злости и упрямству.

— Не уходи от ответа, — чеканя каждое слово, произнесла я. — Кто. Ты. Такой?

Крис закрыл глаза. На его шее снова натянулись багровые, воспалённые вены, тело качнулось — отходяняк накрывал его очередной волной лихорадки. Слишком тяжелая цена за удерживаемый барьер.

— Кристиан Вейс, — вытолкнул он из себя сквозь зубы. — Это всё, что тебе нужно знать.

— Нет, не всё! — Я подошла вплотную, опустилась перед ним на корточки и заставила его посмотреть мне прямо

в глаза, встречая его мутный от боли тёмный взгляд. — Ты приходишь к кофейне весь в крови. Ты отдаёшь мне приказы. Ты держишь какую-то стену в моих кошмарах и утасуешь на моих глазах! Кристиан Вейн, кто ты на самом деле?!

Крис долго молчал. В комнате слышалось лишь его рваное, тяжёлое дыхание и стук капель за окном. Вдруг он чуть подался вперёд, и его голос прозвучал тихо, но удивительно твёрдо:

— Я Страж снов.

В спальне повисла тишина. Я моргнула раз, другой. А потом не сдержалась и нервно, почти истерично расхохоталась.

— Страж снов?! — Я покачала головой, отступая на шаг. — Серьёзно? Это что, шутка такая?! Ты из детской сказки сбежал или у тебя от лихорадки окончательно крыша поехала?!

Смех вырвался сам собой — громкий, звенящий, на грани настоящей истерики. Я сделала шаг назад, упираясь руками в бока и качая головой.

— Страж снов?! Серьёзно?! — переспросила я, чувствуя, как нервный хохот щекочет горло. — И от кого ты меня бережёшь? От зубной феи? Или от бабайки под кроватью?! Крис, ты в своём уме?! Ты лежишь передо мной в лихорадке, у тебя вены синие, а ты мне сказки про фей и волшебников задвигаешь?!

Кристиан не шелохнулся. Он продолжал сидеть на краю кровати, тяжело опустив плечи и тяжело вздыхая. Мой смех

ни капли его не задел — его лицо оставалось непроницаемой, хмурой маской, а в тёмных глазах не проскользнуло даже тени улыбки.

Когда мой истеричный хохот наконец угас, оставив после себя лишь гулкую пустоту и ком в горле, тишина в комнате стала невыносимой.

— Смешно? — глухо спросил он. Голос звучал настолько сухо и отрезвляюще, что меня мгновенно обдало холодом.

— Нет... — выдохнула я, опуская руки. Веселье испарилось без следа, уступая место полнейшему помешательству. — Нет, Крис, мне вообще не смешно. Потому что мы находимся в твоей спальне. В твоём *сне*. За окном идёт дождь, но я не сплю у себя... я бежала от монстра, у которого были чёрные когти и красные глаза. И этот монстр прорывал стену, которую ты, — я ткнула пальцем в его сторону, — держал для меня!

Я схватилась за голову, чувствуя, как виски сжимает тисками.

— Городские новости... — прошептала я, осенённая страшной догадкой. — Четверо погибших во сне в Восточном квартале... Врачи сказали — остановка сердца. Но это были не инфаркты, да?

Крис медленно поднял на меня взгляд.

— Их сожрали, Адель, — отрезал он без лишней жалости. — В собственных кошмарах. Когда Стража нет рядом, твари забирают разум. А за разумом уходит и тело.

От его слов по спине побежал ледяной пот. Мозг отчаянно бунтовал, отказываясь принимать эту дикую, сюрреалистичную правду. Какие ещё Стражи? Какие твари? Это противоречило абсолютно всему, во что я верила двадцать с лишним лет. Но факты — выжженный переулок, рушащийся барьер, раздутые вены Криса и эта чужая спальня — не оставляли пространства для сомнений.

— И ты... ты один из них? — я с трудом сглотнула слюну, делая робкий шаг назад к двери. — Ты защищаешь людей во снах?

— Я защищаю *тебя*, — поправил он, жестоко выделив последнее слово. Он попытался подняться, но мышцы снова сковало судорогой, и Крис лишь сжал челюсти, издав низкий, глухой рык.

— ...И если ты сейчас же не перестанешь истерить и не поймёшь, как вернуться назад... мы оба отсюда не выберемся.

Его голос сорвался на тяжёлый, сдавленный хрип. Новый приступ судороги оказался настолько сильным, что Крис не удержался и полетел боком на матрас. Он сжал челюсти так, что на висках выдулись вены, а из груди вырвался глухой, мучительный стон. Багровые нити под его кожей вспыхнули с новой силой, буквально сжигая его изнутри.

Паника внутри меня мгновенно сменилась чистым инстинктом. Забыв про страх, про нереальность происходящего и про свои вопросы, я бросилась к кровати и опустилась

перед ним на колени.

— Крис! — выдохнула я и, не думая, порывисто прижала ладони к его раскалённым плечам. — Эй, смотри на меня!

В ту же секунду, как мои пальцы коснулись его кожи, по комнате прошла бесшумная, прозрачная волна.

Меня обдало странным, огненным давлением. Из самой глубины моей груди вырвался сгусток тепла — не просто человеческого, а густого, чистого, будто ослепительно-белый свет. Эта энергия сама, без моего ведома, хлынула через мои ладони прямо в Криса.

Кристиан резко дёрнулся и замер.

Я видела, как багровые, воспалённые вены на его шее под моим прикосновением мгновенно светлеют, растворяясь в мягком янтарно-белом сиянии. Дикая лихорадка, скручивавшая его тело, опала в одно мгновение, словно на пламя пролили ледяную воду. Судорога отступила. Ему больше не требовалось бороться за каждый вдох.

Крис выпрямился с нечеловеческой быстротой. Его дыхание выровнялось, а мутный взгляд прояснился, став острее клинка. Боль отступила полностью, словно этой ужасной, сжигающей ломки никогда и не было.

Но вместо облегчения на его лице застыл настоящий, дикий шок.

Он уставился на свои руки, затем резко перевёл взгляд на мои ладони, всё ещё лежащие на его плечах.

— Что... что ты только что сделала? — прошептал он. Го-

лос больше не хрипел — в него вернулась прежняя, стальная сила.

— Я... я не знаю, — я испуганно отдёргнула руки, сжимая их у груди. Пальцы всё ещё приятно покалывало, словно от слабого разряда тока. — Я просто хотела... чтобы тебе перестало быть так больно.

Крис медленно поднялся с кровати. На этот раз — легко, без единого симптома болезни или слабости.

Он сделал шаг ко мне, не сводя с меня тёмных глаз, в которых теперь бушевало пламя — ровное, мощное и совершенно чистое. Вся его сила не просто вернулась к нему, она возросла вдвое, подпитанная моим прикосновением.

— Это не просто помощь, Адель, — тихо, почти с угрозой проговорил он, останавливаясь в шаге от меня. — Ты не просто прошла в мой сон. Ты поделилась со мной энергией. Чистейшим, первозданным истоком, какого я не видел ни у одного из наших.

Я с трудом сглотнула, отступая на шаг под его тяжёлым взглядом.

— «Наших»?.. О чём ты говоришь?

— О том, что обычный человек не может выступать проводником и подпитывать Стража, — Крис протянул руку и схватил меня за запястье. Не больно, но намертво. По его пальцам снова пробежала золотистая искра, отозвавшаяся теплом в моём предплечье. — Ты — одна из нас, Адель. Только твоя сила... она другая. Ты не просто защитник. Ты

— источник.

В его голосе проскользнуло нечто новое. Больше не было холодного высокомерия или желания прогнать меня. Теперь он смотрел на меня как на равную. Как на того, без кого его собственная стена больше не выстоит.

— Стоп, стоп, стоп! Хватит! Это какой-то абсолютный бред! Какой ещё источник?! Какие «мы»?! Ты несёшь полнейшую чушь!

В голове не укладывалось абсолютно ничего: ни светящиеся нити, ни волна тепла из моей собственной груди, ни то, как Крис за секунду пришёл в себя от одного моего прикосновения.

Кристиан не стал спорить. Он лишь нахмурился, бросив быстрый взгляд на настенные часы, стрелки которых почему-то крутились в обратную сторону.

— Время вышло, — сухо отрезал он, и в его голосе снова зазвучал привычный повелительный тон. — Тебе пора возвращаться.

— Назад?! — я отшатнулась к самой двери. — К тем чудовищам?! Да ты с ума сошёл! Я ни за что не вернусь в тот переулок! Там эта хрень проломила стену и готова меня сожрать!

— Ты не пойдёшь туда одна, — Крис сделал шаг ко мне и крепко взял за запястье.

Прежде чем я успела вырваться, спальня мгновенно поплыла, растворяясь в серой дымке.

Холод и запах жжёной золы ударили в лицо сокрушительным шквалом.

Мы снова стояли посреди моего выжженного переуллка. Но теперь рядом со мной был не туманный силуэт, а сам Крис — реальный, высокий, излучающий твёрдую, опасную силу. Светящийся купол перед нами всё ещё трещал, а сквозь глубокую брешь наружу рвалась гигантская чёрная туша с фосфоресцирующими глазами.

— Это Сомнумы, — тихо, прямо мне на ухо проговорил Крис. Его рука не выпускала моё запястье, и от места нашего касания по сетке барьера бежали ослепительные искры, намертво запечатывая трещины. — Твари из нижних слоёв сновидений. Они питаются человеческим страхом и жизненной силой. Обычные люди для них — просто лёгкая добыча.

Монстр за стеной визгливо рывкнул от вспыхнувшего света нашей общей энергии и отступил на шаг назад в тень.

— Но они не просто так срывают когти об этот барьер, Адель, — Крис повернул голову, глядя на меня сверху вниз своим тяжёлым, цепким взглядом. — Похоже, я наконец понял, почему за тобой пришла не мелкая пададь, а Высшие Сомнумы.

— Высшие?.. — выдохнула я, боясь услышать продолжение.

— Самые опасные из них, — он чуть сжал мои пальцы. — Для них твоя сила — не просто еда. Они готовы ломать мою защиту насмерть, потому что ты для них — единственный

шанс пробить грань и вырваться из снов прямо в реальный мир.

— То есть... они хотят пройти сквозь меня? В наш мир?

— Мой голос упал до едва слышного шепота. От одной этой мысли кожа покрылась мурашками, а воздух в лёгких застрял комом.

— Это только первая причина, — тихо ответил Крис, не сводя глаз с темнеющей за барьером бездны.

Он чуть сильнее сжал моё запястье, и я почувствовала, как по коже пробежало ровное, пульсирующее тепло, отгоняющее липкий страх.

— А есть вторая?.. — я заставила себя посмотреть на него.

— Есть, — Крис развернулся ко мне, и в его глазах блеснул отблеск запечатанной трещины. — Они не просто хотят использовать тебя как мост. Они боятся тебя, Адель.

Я на секунду забыла, как дышать.

— Боятся?.. Меня?! Крис, я чашки в кофейне роняю, когда нервничаю! Каких чудовищ я могу напугать?!

— Не тебя настоящую. А то, что в тебе спит, — его голос прозвучал сухо и въедливо, отсекая любые возражения. — Твою силу. Она ещё не раскрылась, ты понятия не имеешь, как ею управлять, но они уже чувствуют её потенциал. Высшие Сомнумы не стали бы рисковать и пробиваться сквозь мой защитный контур ради рядового источника.

Он сделал паузу, всматриваясь в моё лицо с таким выражением, будто видел перед собой ожившую легенду, в кото-

рую сам до последнего не верил.

— Таких, как ты, не было уже очень давно, — чеканя каждое слово, закончил Крис. — И если они уничтожат тебя сейчас, пока ты беспомощна, — они избавятся от единственной угрозы, способной стереть их под корень.

Я подняла свободную руку и зажмурилась, отчаянно массируя виски пальцами. Голова раскалывалась от дикого количества информации, которая отказывалась укладываться в рамки здравого смысла.

— Так, всё. Стоп, — пробормотала я, качая головой. — Мне нужно проснуться, выпить чашку крепкого кофе и всё это обдумать. А ещё лучше — надеяться, что когда я открою глаза, всё окажется просто затянувшимся, безумным бредом.

Внезапно напряжение, висевшее между нами, спало.

Крис чуть приподнял бровь. На его обычно хмуром, непроницаемом лице проскользнула беглая ухмылка — редкая и оттого почти непривычная. В его тёмных глазах мелькнула острая ирония.

— Можешь надеяться на что угодно, Адель, — тихо произнёс он, и в уголках его губ на секунду застыла скупая усмешка. — Но сейчас пора.

— Пора?.. — переспросила я, недоверчиво нахмурившись. — Пора что?

Крис чуть сильнее сжал моё запястье, и свет барьера перед нами вспыхнул ослепительной волной.

— Просыпаться.

Глава 6

Я резким рывком подскочила на диванчике в подсобке, судорожно глотая холодный воздух. Сердце колотилось в грудную клетку, как пойманная птица.

Я дико огляделась. Привычный запах молотых зёрен и ванили. Серый утренний свет, пробивающийся сквозь жалюзи. Тихое тиканье настенных часов. Всё было абсолютно настоящим.

— Бред... Это просто безумный, затянувшийся кошмар, — прошептала я, сжимая виски пальцами.

Стылый пот лип к коже. Я опустила взгляд на свои руки, намереваясь стереть с них следы гари и пыли, которые, казалось, въелись в кожу ещё с той ночи, когда тварь впервые полоснула меня своими когтями.

И замерла.

Все мелкие ссадины, порезы от разлетавшихся сновидческих искр и царапины, полученные во снах за последние дни, исчезли. Кожа была абсолютно чистой и гладкой, словно их никогда и не было.

Я провела пальцами по предплечью, где ещё вчера оставался болезненный синяк. Ничего. Никакой боли.

Вспомнился тот момент, когда я коснулась раскалённых плеч Криса в его сне, и белая волна тепла хлынула из моей груди. Получается... та энергия не просто исцелила его ли-

хорадку и затянула багровые вены. Она прошла и по мне, смыв все раны, словно чистая вода.

А на запястье — там, где Крис держал меня перед самым пробуждением, — отпечатался слабый, едва заметный след, похожий на ровное покраснение. Место касания всё ещё излучало тихое, еле ощутимое тепло.

Я сползла с дивана, трясущимися руками включила эспрессо-машину и побрела в зал, надеясь, что работа и привычная рутина вернут меня в реальность.

Через десять минут над входной дверью громко и весело звякнул колокольчик.

Я вздрогнула и обернулась.

На пороге стоял Кристиан. В том же тёмном пальто, но на этот раз — совершенно иной. Никакой бледности, никакой исчерченной багровыми венами кожи, никакой усталой сутулости. Он держался прямо, двигался с бесшумной, опасной грацией хищника, а его взгляд был острым, ясным и собранным. Из него буквально выплёскивалась сила — та самая, которую я отдала ему во сне.

— Доброе утро, Адель, — тихо произнёс он, закрывая за собой дверь и поворачивая табличку на «Закрыто».

— Ты... — я сжала кусок ткани, которым протирала стойку. — Ты опять за своё? Кофейня ещё не открыта.

Крис подошёл к стойке, опираясь на неё длинными пальцами, и въедливо посмотрел мне прямо в глаза:

— Время раскачиваться кончилось. Сегодня тебе придёт-

ся поехать со мной.

— Куда ещё? — я невольно сделала шаг назад. — Ты совсем с катушек слетел?! У меня аренда на носу, кредит за новую эспрессо-машину и поставка молока через два часа! Если я сейчас всё брошу, меня бандиты из банка быстрее сожрут, чем твои Сомнумы! Мне нужна выручка, Крис! Настоящая, бумажная выручка!

— Я найду тебе замену, — ровным, непроницаемым тоном ответил он, даже не поведя бровью.

У меня отвисла челюсть. Я на секунду забыла, как дышать, переваривая услышанное.

— Что?! Замену?! — я нервно всплеснула руками. — Ты реально рехнулся! Ты думаешь, я вот так просто возьму и оставлю своё кафе — своё единственное дело, в которое вложила все деньги и нервы — какому-то левому, незнакомому человеку с улицы?! Ты в своём уме вообще?!

Крис выпрямился.

— В течение часа здесь будет человек, которому я доверяю как себе, — отчеканил он, глядя на меня сверху вниз. — Он заменял бариста в десятке мест, со счетами и кофемолкой справится. Это не обсуждается, Адель. Ты собираешься и идёшь со мной.

Не давая мне вставить ни слова, Крис развернулся, вытащил из кармана телефон и вышел на улицу, бросив через плечо:

— Час. Наведи порядок и будь готова.

Я осталась стоять посреди пустой кофейни, пытаюсь перевести дыхание и сжимая кулаки от бессильной ярости.

Ровно через шестьдесят минут колокольчик над дверью снова звякнул.

Крис вошёл первым, а следом за ним в заведение переступил высокий, плечистый парень с растрёпанными светлыми волосами и открытой, немного дерзкой улыбкой. На нём была простая кожаная куртка, но двигался он с той же бесшумной, собранной грацией, что и Крис.

— Ну, привет! — весело протянул незнакомец, обводя зал ясным взглядом. — Так вот где наш угрюмый Вейс пропал? А тут у тебя уютно. Я Марк. Пришёл спасать твой бизнес от банкротства, пока ты будешь спасать свою жизнь.

Я озадаченно нахмурилась, переводя взгляд с улыбочивого парня на Криса:

— Пропал?.. Крис, в каком смысле «пропал»? Ты что, своим друзьям даже не сказал, что торчишь у меня в кофейне и держишь тут барьеры?!

— Марк знает ровно столько, сколько ему нужно знать, — сухо отрезал Крис, сложив руки на груди. — Он тоже Страж. И единственный из нас, кто умеет обращаться с эспрессо-машиной так, чтобы не спалить заведение в первую же минуту.

— В смысле — тоже Страж?! — я в шоке уставилась на парня.

Высокий, растрёпанный, в потёртой кожаной куртке — он выглядел скорее как студент, прогуливающий пары, чем как

защитник от ночных чудовищ.

— Вы что, почкованием размножаетесь?! — вырвалось у меня.

— Эй, полегче, я вообще-то твою выручку спасти пришёл! — Марк ярко усмехнулся, задорно перемахнул через стойку и с привычной ловкостью подхватил холдер для кофе, взвесив его на ладони. — Так, кассовый аппарат освою за две минуты, зерно вижу, молоко в холодильнике? Адель, расслабься. Заведение в надёжных руках. Ни один клиент не уйдёт без флэт-уайта, обещаю.

Я стояла посреди собственного кафе, сжимая кулаки от бессилия. Всё происходило слишком быстро. За моей стойкой осваивался незнакомый парень, а Крис уже держал входную дверь открытой, ожидая меня на улице.

— Адель, время, — напомнил он.

— Я всё ещё считаю, что вы оба сумасшедшие, — проворчала я, натягивая куртку и делая шаг к выходу.

Я перешагнула порог кофейни, услышав, как за моей спиной тихо звякнул колокольчик. На улице стояло прохладное утреннее солнце, город жил своей обычной, спешащей жизнью, но меня не покидало ощущение, что я шагнуть успела вовсе не на тротуар, а в какой-то параллельный мир.

Крис резко дернул ручку пассажирской двери тёмного седана, припаркованного у обочины:

— Садись.

Я скользнула на мягкое кожаное сиденье. Крис запрыгнул

за руль, двигатель тихо заурчал, и машина плавно сорвалась с места, вливаясь в городской поток. В салоне пахло кожей, чистым озоном и едва уловимым, знакомым древесным ароматом.

Я облокотилась на стекло, разглядывая проплывающие за окном улицы. На запястье всё ещё сохранялось приятное, еле ощутимое тепло от прикосновения Криса.

— Крис... — тихо позвала я, поворачивая к нему голову.
— А к кому мы вообще едем? Что это за человек?

Крис плавно повернул руль, вливаясь в поток машин, и на секунду бросил на меня короткий взгляд.

— К нашему Наставнику. Мы называем его Магистром, хотя для большинства он просто старый профессор истории, — в его голосе впервые прозвучали тёплые, уважительные нотки. — Он глава нашей общины в этом городе. Именно он учил меня и Марка, когда мы только осознали свои способности.

— И как он реагирует на... таких, как я? — я неуверенно потерела край куртки. — Ну, на «Источники»?

— Он не поверит своим ушам, Адель, — Крис чуть улыбнулся углами губ. — Источников не появлялось уже почти век. Мы считали, что ваша ветвь дара полностью угасла, а сами вы остались только в старых фолиантах.

Я нахмурилась, переваривая услышанное:

— В каком смысле — угасла?

— В самом прямом. Стражи вроде меня и Марка — это

щит и меч. Мы можем держать купола, сражаться с Сомнумами, но мы выгораем. Без Источника мы тратим собственную жизнь на поддержание грани, — Крис сжал руль, и его голос стал удивительно мягким и серьёзным. — А ты... ты как чистый родник для жаждущего. Одно твоё прикосновение во сне вернуло мне силы за секунду. Для нас ты не просто редкий дар, Адель. Ты — бесценность.

Я замерла, чувствуя, как к щекам приливает тепло от его тона. Никакого давления, никакой холодности — в его словах проскальзывала глубокая, искренняя благодарность.

— Магистр должен увидеть тебя своими глазами, — продолжал Крис, плавно притормаживая на светофоре. — Он поможет понять, как устроена твоя сила, и подскажет, как тебя защитить. Поверь, теперь за тобой будут охотиться не только Высшие Сомнумы. Поэтому моя главная задача — сделать так, чтобы с твоей головы не упал ни один волос.

Машина плавно затормозила у старого трёхэтажного здания из тёмного кирпича, затерянного в тихих переулках исторического центра. Высокие арочные окна, массивные дубовые двери и скромная вывеска: *«Центральный архив и библиотека редких рукописей»*.

— Библиотека? — я озадаченно окинула взглядом фасад. — Ты серьёзно? Стражи базируются среди пыльных книг?

— Лучшее место, чтобы спрятать то, что не предназначено для посторонних глаз, — ответил Крис, глуша двигатель. Мы поднялись по широким каменным ступеням. Внутри

пахло старой бумагой, воском и давней тишиной. Пройдя мимо пустующей стойки гардероба, Крис уверенно шагнул в дальний глухой коридор, упиравшийся в монолитную стеллажную стену, доверху забитую фолиантами в кожаных переплётках.

Я уже хотела спросить, не перепутал ли он дверь, как Крис просто приложил ладонь к ровному дереву боковой панели.

Древесина едва слышно вибрировала, из-за стеллажей раздался глухой щелчок, и часть стены вместе с полками плавно отъехала в сторону, открывая зев скрытого лифта с бесшумными металлическими дверями.

— Продвинуто для архива, — пробормотала я, когда мы зашли в кабину.

Лифт пошёл не вверх, а вниз, погружая нас в глубокую подземную тишину. Когда двери снова распахнулись, мы оказались в просторном подземном зале. Здесь было странно и непривычно: старинные каменные своды сочетались с ровным светом непонятных приборов, мерцающими экранами с картами и длинными столами, заваленными бумагами.

За самым большим дубовым столом сидел мужчина лет шестидесяти. У него были аккуратно зачёсанные назад седые волосы, строгий костюм и невероятно ясный, цепкий взгляд.

— Вальтер, — громко позвал Крис.

Мужчина поднял голову, нахмурившись и откладывая в сторону какие-то документы:

— Кристиан? Ты что здесь делаешь? После вчерашнего

разрушения барьера и такого отката ты должен отлёживаться в лазарете!

Он замер на полуслове, когда его взгляд упал на меня.

— Вальтер, познакомься. Это Адель, — Крис сделал шаг в сторону, слегка прикрывая меня собой, но так, чтобы мужчина мог меня видеть. — И она — причина, почему я стою здесь абсолютно здоровым.

За следующие десять минут Крис коротко и без лишних эмоций изложил всё: про ночное нападение чудовищ на кофейню, про то, как я без всякого объяснения очутилась в его сне, и как одним лишь прикосновением сняла его откат и затянула багровые вены на коже.

С каждым словом Криса лицо мужчины менялось — от сдержанной недоверчивости до глубокого изумления. Он медленно подошёл к нам, всматриваясь в меня так, будто перед ним стоял призрак.

— Невероятно... — тихим, хриловатым голосом произнёс он. — Источник. Настоящий, нетронутый Исток. Но как она смогла найти тебя во сне, Кристиан? Она ведь даже не умеет ходить по слоям.

Седой мужчина — Вальтер Берг, как назвал его Крис, — перевёл взгляд на меня, и на его губах появилась лёгкая, мудрая улыбка:

— В древних хрониках это называли *Истинным Узлом*. Источник никогда не выбирает впустую. В момент опасности её сила сама ищет того Стража, чей энергетический резонанс

идеально совпадает с её собственным.

Вальтер Берг сделал паузу и указал на моё запястье, где под кожей всё ещё вибрировало то самое мягкое, невидимое тепло:

— В тот момент, когда Адель пробились в твой сон и коснулись тебя, сняв откат, вы сплели свои сущности. Вы завязали Истинный Узел.

Я растерянно перевела взгляд с седого профессора на Криса. Тот стоял неподвижно, но я готова была поклясться, что чувствую, как у него внутри натянулась какая-то струна — точно такая же, как и у меня.

— И что это значит?.. — тихо спросила я, сжимая пальцы.
— Для нас с Крисом?

— Это значит, Адель, что между вами образовалась прямая, неразрывная связь, — мягко пояснил Вальтер Берг. — Вы — парная система. Кристиан стал твоим единственным проводником: он направляет твою силу и держит щит, который защищает тебя от снов. А ты — его единственный Источник. Ни один другой Страж не сможет принять твою энергию, и ни одно чудовище не сломает его барьер, пока вы вместе.

— Парная система?.. — переспросила я. Слова Вальтера висели в прохладном воздухе подземного зала, тяжелея с каждой секундой. — В смысле... мы теперь связаны? Навсегда?!

Я невольно посмотрела на своё запястье, где под кожей всё ещё пульсировало слабое, но явное тепло. Попыталась пред-

ставить, что моя жизнь — со всеми её понятными, простыми правилами — теперь намертво привязана к этому мрачному, молчаливому человеку в тёмном пальто.

Крис не шелохнулся. Лишь его челюсти слегка сжались, а тёмный взгляд скользнул по мне с нечитаемым выражением — смесью жесткой решимости и какого-то странного, почти бережного ошеломления.

— Вальтер имел в виду энергетический резонанс, Адель, — его голос прозвучал сухо и ровно, возвращая меня из мечущихся мыслей в реальность. — Твоя сила реагирует на мою. Моя — направляет твою. Это не кабала. Это гарантия того, что сегодня ночью тебя не разорвут на куски.

— Это единственная причина, почему ты всё ещё дышишь, Кристиан, — строго поправил его Вальтер Берг, сделав шаг к нам и опираясь обеими руками на старинный дубовый стол. — Не принижай значения Узла. Без Адель твой резерв после вчерашнего прорыва был выжжен дотла. Ты бы не дожил до этого утра. А без Кристиана, Адель, Высшие Сомнумы нашли бы тебя в первые пять минут сна. Вы нужны друг другу. В буквальном смысле.

Я тяжело вздохнула и провела ладонью по лицу, пытаюсь переварить услышанное.

— Ладно. Хорошо. Допустим, я в это поверила, — выдохнула я, встречая ясный взгляд профессора. — И что теперь? Мне нужно учиться колдовать? Летать по снам? Кастовать фаерболы в этих ваших Сомнумов?

Вальтер чуть слышно хмыкнул, а в уголках губ Криса снова едва заметно дёрнулась привычная, теневая усмешка.

— Никакой магии в привычном понимании, Адель, — качнул головой Берг. — Твоя задача — научиться контролировать свой Исток. Сейчас ты отдаёшь энергию инстинктивно, на одном лишь страхе или импульсе милосердия. Но если ты научишься подавать её осознанно, Кристиан сможет удерживать барьер любой прочности, практически не расходуя собственные жизненные силы.

Профессор развернулся к одному из рабочих столов, испланному странными схемами и усыпанному старинными фолиантами, и вытащил из стопки неглубокую чашу из тёмного, шероховатого камня, наполненную чистой водой.

— Начнём с элементарного теста, — Вальтер поставил чашу на край стола перед нами. — Кристиан, дай ей руку.

Крис без колебаний сделал шаг вплоть ко мне и протянул ладонь. Пальцы у него были длинные, сильные, с короткими ссадинами на костяшках.

Я замешкалась на секунду, чувствуя, как сердце снова ускоряет бег. Но затем решительно вложила свою ладонь в его.

В то же мгновение, когда наши пальцы переплелись, между нами пробежал осязаемый, горячий разряд. Не больно, а удивительно приятно — словно в промозглый зимний день ты вдруг касаешься раскалённого камина. Тепло волной хлынуло от его руки прямо к моему плечу и застыло где-

то в области груди.

— Теперь, Адель, — тихо и мягко проговорил Вальтер, — закрой глаза. Забудь про кофейню, про аренду, про монстров. Вспомни то чувство, которое ты испытывала в его спальне во сне. Ты хотела помочь. Ты хотела, чтобы ему стало легче. Направь это тепло вниз, через ваши сцепленные пальцы.

Я зажмурилась. Сделать это оказалась куда сложнее, чем в лихорадочном бреду кошмара. Мозг упорно подсовывал мысли об остатках молока в холодильнике, об отчётах и о том, как Марк прямо сейчас заправляет холдер в моей кофемашине.

— Отключи голову, — прямо над ухом раздался глухой, низкий шёпот Криса. Его пальцы чуть сильнее сжали мои, фиксируя касание. — Не думай. Просто почувствуй меня. Я рядом.

От его близости и бархатного голоса по коже пробежали мурашки. Я глубоко вздохнула, выдыхая всю накопленную за день панику, и сосредоточилась на тепле его ладони. Я представила, как чистый свет из моей груди, как густой золотистый мёд, медленно течёт по вене прямо в его руку.

— Невероятно... — шепнул Вальтер.

Я резко распахнула глаза.

Вода в каменной чаше, стоящей рядом с нашими руками, не просто задрожала. Она наполнилась мягким, ровным янтарным свечением, и от её поверхности вверх поднялись ма-

ленькие, невесомые искорки чистого света, тут же растаявшая в воздухе.

Крис смотрел на наши сцепленные руки с затаённым восторгом, а затем медленно поднял взгляд на меня. В его тёмных глазах больше не было привычной отстранённости. Там билась живая, пульсирующая сила — наша общая сила.

— Сила Источника чиста и невероятно откликается на эмоции, — констатировал Вальтер, с удовлетворением разглядывая угасающее сияние в чаше. — Но именно поэтому ты уязвима, Адель. Сомнумы чувствуют этот свет за версту. И сегодняшняя ночь будет куда тяжелее предыдущей. Они поняли, кто ты.

— Я не подпущу их, — отчеканил Крис. Его голос прозвучал настолько твёрдо, что в подземном зале на секунду зазвенела тишина. Он не отпускал мою руку.

— Одной защиты мало, Кристиан, — качнул головой Берг. — Теперь, когда вы связаны, вам придётся работать вместе и на Изнанке. Адель должна спать там, где ты сможешь физически контролировать её состояние.

Я нахмурилась, переведя взгляд с профессора на Криса:

— В каком смысле — «физически контролировать»?

— Это значит, — сдержанно ответил Крис, окончательно выпуская мою ладонь (и от этого отсутствия тепла мне вдруг стало странно холодно), — что ночевать в подсобке на диване ты больше не будешь. Ты едешь ко мне.

Глава 7

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.